

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА XVII в. В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Среди материалов русского центрального приказного делопроизводства XVII в. трудно не обратить внимание на такую группу документов, как судебно-следственные дела, включающую в себя значительную часть сохранившихся до настоящего времени материалов основных территориальных приказов — Владимирской, Галицкой, Костромской, Новгородской, Устюжской четвертей, Сибирского, «ведомственных» — Поместного, Разрядного, Посольского, патриарших, собственно судных приказов,¹ которые, как никакие другие документальные комплексы, позволяют изучать самые различные сюжеты, связанные с жизнью русского общества и государства, начиная от особенностей внешнеполитических и конфессиональных отношений с другими странами и народами и заканчивая сугубо бытовыми деталями повседневного быта.

Обращение к материалам судебного делопроизводства началось довольно давно, в первой трети XIX в., однако историки и археографы этого и последующего столетий чаще всего использовали отдельные документы судебно-следственных дел, не изучая истории складывания и существования таких, как правило, достаточно

¹ Историю возникновения приказной системы с характеристикой предшествующей историографии и публикаций см. в новейшем исследовании: *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.: Тула, 2009.

объемных комплексов, неотъемлемой частью которых являлись привлекаемые ими документы. Стоит поэтому, не вдаваясь в рамках статьи в подробное изучение предшествующей историографии, согласиться с мнением С. Е. Князькова, отметившего иллюстративный метод работы исследователей: «Итак, в дореволюционной историографии использование следственной документации сводилось, в основном, к иллюстрации норм права (или, добавим мы, пересказу наиболее интересных с фабульной точки зрения сюжетов. — *Л. Т.*). Историки-юристы не ставили (за некоторыми исключениями) задачи исследовать внедрение законодательства в судебную практику».² Касаясь же советской историографии, С. Е. Князьков, с одной стороны, рассматривал исключительно судебные дела по политическим процессам, политическому сыску, городским восстаниям и сыску крестьян, т. е. в своем большинстве, за исключением, пожалуй, сыска беглых крестьян, «уникальные» по содержанию и уже поэтому не составляющие основную массу сохранившихся дел материалы, с другой — оперировал документами только собственно судных приказов, впрочем, понимая и четко оговаривая исследовательские рамки своей работы: «...историк (т. е. автор статьи, С. Е. Князьков. — *Л. Т.*) ограничивает свою задачу, на что он имеет полное право, изучением истории с использованием соответствующей документальной базы только четырех специализированных учреждений, в то время, как судебные разбирательства среди различных категорий населения в XVII в. проходили и во многих других приказах, функции которых были гораздо шире собственно судебных, но включали в себя однако и рассмот-

² Князьков С. Е. Приемы использования и изучения судебно-следственных материалов XVI–XVII вв. в отечественной историографии // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 103. См. также другие работы этого автора: Князьков С. Е. 1) Источники для предварительной реконструкции следственных дел конца XVI — начала XVII вв. // Источниковедение и историография. М., 1980. С. 97–111; 2) Судные приказы в конце XVI — первой половине XVII в. // Изв. Т. 115. М., 1987. С. 268–285; 3) К определению границ понятия «судебно-следственное дело» (по материалам приказного делопроизводства) // Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 67–71; Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. М., 1985. С. 47–51.

рение различных — административных, экономических, уголовных — конфликтов».³

Объективным следствием такого ограничения круга рассматриваемых учреждений только пятью судными приказами — Московским, Владимирским, Рязанским, Дмитровским и вновь обнаруженным исследователем Дворцовым судным приказом, делопроизводство которых в своем целостном виде до нас не дошло и сохранились лишь отдельные, случайные, по большей мере, документы, стала невозможность проводить изучение отложившихся в этих инстанциях судебных дел как целостных документальных комплексов.⁴

К сожалению, подобный подход — выделение отдельных документов вместо изучения/публикации единых, естественно сложившихся комплексов, демонстрирующий непонимание самой сути такого вида источников, как судебные дела, характерен и для новейших работ. В частности, в очередном томе коллективной монографии, посвященной истории Московского печатного двора, имеется специальный раздел «Судные дела работников типографии (1659-1699).⁵ Это непонимание очевидно уже из вводной статьи к тому «Московская печатная книга накануне петровского времени», принадлежащей руке И. В. Поздеевой, когда она пишет: «Уникальными документами (здесь и далее выделено нами. — Л. Т.), часть из которых опубликована в томе, являются судные дела, явочные челобитные, приставные памяти, выписки из судных дел, содержащие информацию о характере людей, их положении и особенностях поведения, дружеских и семейных связей, поразительные детали быта — яркую картину жизни Москвы второй половины

³ Князьков С. Е. Судные приказы в конце XVI — первой половине XVII в. С. 268.

⁴ В частности, в совместной работе С. О. Шмидта и С. Е. Князькова изучение судебно-следственной документации свелось к формальному выделению разновидностей судебных дел — о «непригожих речах», о «колдовстве», народных восстаниях и т. д. — и перечислению разновидностей входящих в них документов (Шмидт С. О., Князьков С. Е. Документы делопроизводства... С. 47–50).

⁵ Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: исследования и публикации. Кн. 2. М., 2011. С. 180–236.

XVII в.»⁶ Как результат — в разделе, обозначенном как «судебные дела», опубликованы в большинстве своем отдельные документы — челобитные,⁷ памяти, выписи (27 документов) и только пять публикаций в той или иной степени действительно представляют собой комплексы документов, возникших в результате судебных разбирательств.

Начало XXI в. отмечается увеличением интереса историков к конкретным вопросам приказного делопроизводства, которое выразилось в стремлении подробно показать повседневную деятельность приказных учреждений и их сотрудников, проанализировать механизмы создания как отдельных документов, так и их комплексов — столбцов и книг, детально изучить исходящую и входящую документацию и т. д. Основными объектами внимания стала работа ряда государственных приказов — Посольского, Разрядного и учреждений духовного подчинения — патриарших Казенного и Дворцового.⁸

В монографии по истории Посольского приказа конца XVI — первой четверти XVII в. Д. В. Лисейцев посвятил специальную

⁶ Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор... С. 17.

⁷ Часть опубликованных текстов, названных археографами «челобитные» (Поздеева И. В., Дадыкин А. В., Пушков В. П. Московский печатный двор... С. 194–198), на самом деле представляют собой фрагменты из записных книг явочных челобитных. Ошибки в определении видов опубликованных документов встречаются и в других местах. В частности, память от 31 июля 1673 г. из Посольского приказа за приписью дьяка Якова Поздышева на Печатный двор митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, Д. Е. Алмазову и дьяку М. Протопопову по челобитной батырщика Я. Ананьина названа «выпиской из дела» (Там же. С. 191).

⁸ В отношении двух последних учреждений см. детальную, основанную на добротном источниковедческом анализе работу И. А. Лушиной (Устиновой): Лушина И. А. Обзор документов патриаршего приказного архива первой половины XVII в. // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. Материалы конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Александра Александровича Преображенского. Москва, ноябрь 2005 г. М., 2010. С. 156–169. Однако особенности сохранившихся материалов этих приказов почти исключительно в виде книг не дают автору возможности рассматривать столбцовое делопроизводство, что является объектом нашего внимания в данной статье.

главу методам делопроизводственной работы сотрудников этого ведомства, где описал с большой степенью подробности и с опорой исключительно на сами документальные массивы, а не на абстрактные представления о том, как «должно быть», приемы составления столбцов и книг и выяснил соотношение содержания двух этих основных для делопроизводства XVII в. форм источников.⁹ Однако автор анализировал только документы, связанные с внешнеполитическими задачами этого учреждения, нигде и никак не оговорив то обстоятельство, что в круг обязанностей приказных служителей, помимо сношений с иностранными государствами или конфессиональными образованиями, входило рассмотрение судебных конфликтов подведомственных Посольскому приказу групп населения,¹⁰ а также административное управление некоторыми территориями (в различные хронологические периоды существования приказа состав этих территорий мог меняться¹¹).

⁹ *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. Гл. 5. Приемы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа. С. 266–312. См. также: *Лисейцев Д. В.* Приемы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа начала XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 2003. С. 24–51. В более поздней, указанной выше (см. примеч. 1) работе вопросы делопроизводства по отмеченным выше объективным причинам — плохая сохранность комплексов дел — почти не рассматривались.

Краткая характеристика столбцов и книг, включающих документы по русско-греческим связям более позднего времени, середины XVII в., была дана Н. П. Чесноковой (*Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. По документам Российского государственного архива древних актов. М., 2011. С. 11–21, 48–64).

¹⁰ «Судебные» материалы Посольского приказа использовал в своей монографии С. П. Орленко, но источниковедческой характеристики он им не дал (*Орленко С. П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 35–43).

¹¹ В конце XVI — начале XVII в. такими территориями были, например, Воронеж и Елец: Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001 (опубликовано так называемое «елецкое дело» 1592/93 г. из архива Посольского приказа); *Глазьев В. Н.* Воронежские документы 1594 г. из архива Посольского приказа // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических

Такой несколько односторонний подход объясняется, на наш взгляд, не столько отсутствием у историка интереса к другим, помимо внешнеполитической, сферам деятельности этого учреждения, сколько современной системой хранения документов, основы которой были заложены архивными «реформами» второй половины XVIII — начала XIX вв. и развиты в последующее время. Результатом изначально «благих» намерений архивистов различных эпох и поколений по «систематизации», в их понимании, архивных документов и облегчению работы с ними стало почти полное разрушение естественно сложившихся делопроизводственных комплексов различных учреждений и формирование вместо них никогда не существовавших в реалиях XVI–XVII вв. «фондов» и, уж тем более, «фондов-коллекций».

Наибольший урон в этом отношении понесли фонды приказных учреждений, вошедшие после всех государственных пертурбаций XVIII в. в состав МАКИД (затем — МГАМИД), директора которого Г.-Ф. Миллер,¹² Н. Н. Бантыш-Каменский и их последова-

наук Александра Александровича Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тезисы докладов. Ч. 2. М., 2005. С. 184–186.

¹² В историографии существуют две прямо противоположные оценки «архивной» деятельности Г.-Ф. Миллера. Первая из них представлена в настоящее время А. Б. Каменским, писавшим о «принципиально новом этапе» в истории МАКИД с приходом туда (1766 г.) нового директора и формировании особого «архивного сознания», вторая — Т. И. Хорхординой, показавшей ошибочность планов Г.-Ф. Миллера по формированию искусственных тематических коллекций вместо сохранения фондов по принципу происхождения (краткое изложение позиций этих исследователей и некоторых других вопросов, связанных с историей МАКИД, см.: *Санин О. Г.* Об изучении истории Московского архива Коллегии иностранных дел в XVIII в. // *Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной научной конференции.* Москва, 31 января — 2 февраля 2008 г. Ч. 2. М., 2008. С. 563–566). Расхождение мнений историков в оценке деятельности Г.-Ф. Миллера продолжалось и в дальнейшем, причем подчас в одной и той же книге содержались несовпадающие точки зрения. В частности, в каталоге выставки документов, посвященных 300-летию рождения академика, В. П. Козлов, касаясь во введении различных аспектов его деятельности и отмечая на последнем месте труды Г.-Ф. Миллера на архивном поприще, отмечает: «Воспитанный и творивший в век Просвещения, Миллер и на архивной ниве руководствовался идеями ра-

тели задумали и, к сожалению, провели указанные «реформы», меньшая же «активность» руководителей МАМЮ позволила в гораздо большей степени сохранить делопроизводственные комплексы Поместного, Разрядного и некоторых других приказов.¹³ Особенно пострадал основной для МАКИД-МГАМИД делопроизводственный комплекс — фонд Посольского приказа, документы которого оказались к настоящему времени разделены между:

1) несколькими десятками отдельных «фондов» с двумя формантами в их названиях — «Сношения России с...» (далее следует указание на государство) или «...дела» (в начале следует территориально-этническое определение), куда вошли преимущественно дела внешнеполитической направленности;

2) четырьмя большими фондами-коллекциями: «Приказные дела старых лет» (РГАДА. Ф. 141), «Приказные дела новой разборки» (Ф. 159), «Приказные дела новых лет» (Ф. 158), «Дела о Посольском приказе и о служивших в нем» (Ф. 138);

3) несколькими более мелкими фондами-коллекциями с искусственно, на основании крайне субъективных представлений архи-

ционализма. Уже существовавшие в России библиографические классификации подвигли его на проект систематизации документов архива. Но законы логики оказались не во всем всемогущими перед законами, которым подчиняется архивное дело» (*Козлов В. П.* Миллер // *От Рейна до Камчатки. Каталог выставки. К 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера.* М., 2005. С. 7). Оценка, скорее, отрицательная. Однако другой историк, участвовавший в подготовке этой книги, С. Р. Долгова уже самым заголовком своей статьи — «Реформатор архивного дела» — дает читателю представление о своей, как представляется, положительной оценке его труда. Такое впечатление подкрепляется и рядом высказываний непосредственно в тексте работы: «Придя в архив, он сразу стал осуществлять свой план по упорядочению документов и созданию к ним справочного аппарата» или «Еще в Сибири Г. Ф. Миллер приобрел ценный опыт работы с историческими документами; он вернулся в столицу выдающимся специалистом не только в области истории, географии, этнографии, но и архивного дела» (*Долгова С. Р.* Реформатор архивного дела // Там же. С. 49, 50). Мы придерживаемся позиции Т. И. Хорхординой и В. П. Козлова.

¹³ Подробнее о становлении архивной системы в XVIII–XIX вв. см.: *Дремлина Г. А., Черных А. В.* Из истории Центрального государственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959; *Шохин Л. И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999.

вистов XVIII — начала XIX в. о приоритетах в работе Посольского приказа, выделенными в них документами по иным формам деятельности этого учреждения (РГАДА. Ф. 137 «Боярские и городовые книги»; Ф. 150 «Дела о выездах иностранцев в Россию»; Ф. 152 «Духовные дела иностранных исповеданий» и др.¹⁴).

¹⁴ См.: Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. С. 204–243; Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495–1718 гг. М., 1972. С. 3–11, 139–153.

Подробнее о методах работы архивистов второй половины XVIII — начала XIX в. с некоторыми документами Посольского приказа см.: *Тимошина Л. А.* 1) Прощательные грамоты патриарху Никону в делопроизводстве Посольского приказа // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивных и музейных собраний (Москва, 30–31 октября 2007 г.). Материалы. М., 2007. С. 127–128; 2) Опись архива Посольского приказа 1673 г. и «Реестры греческим делам» конца XVIII — начала XIX в. // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 7. М., 2009. С. 210–233 (на примере документов по русско-греческим связям XVII в.); *Шамин С. М.* Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011. С. 50–73 (на примере переводов иностранной прессы).

Н. П. Чеснокова, соглашаясь с нашим замечанием о разрушении в результате деятельности архивистов конца XVIII — начала XIX в. единых комплексов документов XVII в., но не отрицая положительного значения проведенных преобразований, пишет: «... однако следует учесть, что уже в XVIII в. использование материалов в виде столбцов создавало архивистам огромные трудности. Данное наблюдение было сделано нами в ходе исследования жалованных грамот и государевой милостыни православным иноземцам» (*Чеснокова Н. П.* Христианский Восток и Россия. С. 30). Задумаемся, в свою очередь, так ли уж велико значение проведенной сотрудниками МАКИД-МГАМИД работы по расклеиванию столбцов? Конечно, «технически» работать с отдельными листами вместо свитков действительно легче, хотя, как мы можем утверждать на собственном опыте, обращение и к нерасклеенным столбцам не создает таких уж «огромных» трудностей. В то же время, на примере документов Посольского приказа, в том числе, и разбиравшихся в этом учреждении судебных дел, мы видим, во-первых, полное разрушение общей, включающей не только «внешнеполитическую», делопроизводственной системы этого учреждения, восстановить которую, как это ни печально, уже невозможно; во-вторых, произвольную перегруппировку отдельных дел, создание новых, никогда не существовавших в реальности «столбцов», правда, с расклеенными листами, и целых «фондов»; в третьих, в тех случаях (а их немало!), когда столбцы были разделены на отдельные листы, которые затем, как единый

Не вдаваясь в подробную характеристику судебной деятельности Посольского приказа в первой четверти XVII в. (обращение к более ранним материалам затруднительно из-за почти полного отсутствия таковых), отметим, что в описи 1626 г. имеется специальный раздел (глава 61 по ее, описи, собственному оглавлению) «В ящиках судные дела собраны из розни» и такие же судебные («доводные», «сыскные», «спорные» и т. д.) дела находятся и в различных «столпах».¹⁵ После же всех «реформ» и «систематизаций» архивного материала XVIII–XX вв. эти дела были изъяты из «внешнеполитических» материалов, часть их к настоящему времени, по видимому, утрачена, а часть перекочевала в фонды-коллекции с красивыми, но не имеющими никакого отношения к делопроизводству XVII в. названиями.¹⁶ Например, известное «сыскное дело про Фелькины животы Ондропова», числившееся по описи 1626 г. среди «столпов московских» «о всяких розных делех и сыскные приказные дела, старые и новые», находится ныне в ф. 141 (Приказные дела старых лет), там же хранится и не менее известное дело по известной челобитной Никифора Порывкина.¹⁷ Поэтому обратим еще раз

блок, прошивались по левому краю, возникновение больших трудностей при восстановлении скреп дыяков на лицевых или оборотных сставах листов и столь же большой вероятности ошибки, если скрепы приходится восстанавливать по верхним и нижним фрагментам букв; в-четвертых, когда расклеенные листы не были соединены между собой, постоянное нарушение их порядка при проведении в дальнейшем, как правило, во второй половине XX в., реставрационных работ, а иногда и соединение из-за невнимательности или невысокой квалификации архивистов фрагментов никак не связанных друг с другом дел. Не слишком ли высокая цена за эфемерное удобство?

¹⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 258, 261, 263, 266 и др.

¹⁶ См., например: *Воскобойникова Н. П.* 1) Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (так! — Л. Т.) (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет.) [Кн. 1] / Под ред. Н. Ф. Демидовой, Н. Шиддс Коллман. М., 1994. С. 38, 188; 2) Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Кн. 2 / Под ред. Н. Ф. Демидовой. СПб., 1999. С. 35, 40, 108, 163, 164; 3) Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII веков (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 3 / Под ред. Н. Ф. Демидовой. М., 1999. С. 60.

¹⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 268; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... С. 259, 256. Публикацию дела

внимание исследователей на то, что все пертурбации, которые претерпели в XVIII–XX вв. естественно сложившиеся в более ранний период единые приказные комплексы документов, привели к настоятельной необходимости при работе с архивными материалами всякий раз искать то *учреждение*, в результате деятельности которого они изначально отложились, а не принимать как должное то *место хранения*, где они находятся сейчас.

В монографии О. В. Новохатко о деятельности Разрядного приказа с 1 сентября 1676 г. по 1 сентября 1677 г.¹⁸ среди прочих на-

см.: *Зверев С. В.* Свидетельство о крупном воровстве на московском денежном дворе в начале XVII в. // Нумизматический сборник ГИМ. 1996. № 4. С. 92–97.

Заметим попутно, что и указанное ранее дело 1592/93 г. о строительстве Ельца (см. примеч. 8) в настоящее время по воле архивистов МАКИД-МГАМИД находится в ф. 141 (Приказные дела старых лет), см.: Российская крепость на южных рубежах. С. 21; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... [Кн. 1]. С. 142–162. При сравнении текстов опубликованных документов с заголовками архивного описания удивляют большие различия при воспроизведении имен и дат, например: имена елецких казаков Никиты (Микиты) Борбоша и Андрея Малыгина из их челобитной (Российская крепость на южных рубежах. № 4. С. 23) в заголовке документа справочного издания превратились в «Никиту Большого» и «Семена Андреева Малыгина» (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... [Кн. 1]. С. 142); довольно известная фамилия городского сына боярского Широкого Муромцова — в «Мурайцева» (Российская крепость на южных рубежах. № 17. С. 40 и примеч. 13; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... [Кн. 1]. С. 144), донской казак «царьгородской полоняник» Алексей Коншин сын Спицын — в «вышедшего из крымского плена» «Александра Кокшина Спицына» (Российская крепость на южных рубежах. № 19. С. 41; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... [Кн. 1]. С. 144), «соборный поп с Соловы» Антип Андреев сын — в «соборного епископа» (!) Антипу (№ 31, с. 52 и 145); отпуски наказной памяти Ивану Мясному, грамот данковскому воеводе Владимиру Вельяминову, тульскому губному старосте Петру Данилову с точно указанными датами «лета 7101-го марта в 17 день», «лета 7101-го февраля в 18 день» и «лета 101-го февраля в 18 день» (Российская крепость на южных рубежах. № 47. С. 67; № 57. С. 77; № 59. С. 79) в описании обозначены как «1592 г.» (*Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... [Кн. 1]. С. 147, 149); и т. д.

¹⁸ *Новохатко О. [В.]* Разряд в 185 году. М., 2007. Автор поставил перед собой задачу «... восстановить, по возможности полно, картину управленческой деятельности Разрядного приказа в 7185/1676–1677 гг.: законодательный базис его деятельности, структуру приказа, компетенцию и взаимодействие его

правлений работы этого учреждения рассматриваются и судебно-следственные дела, имевшие, правда, свою специфику. Основная масса таких дел касалась сыска беглых крестьян и холопов, конфликтов, связанных со сменой представителей местной администрации, споров о земельных владениях, уплаты налогов, уклонения от службы и т. д. лиц, принадлежащих к ведомству Разрядного приказа.¹⁹ Специальный раздел монографии посвящен технике приказного делопроизводства с подробным описанием видов работ и их последовательности, но без выделения особенностей формирования отдельных категорий дел.²⁰

К сожалению, современное состояние архивных фондов, подчеркнем это еще раз, не дает и не даст в ближайшем будущем (фантастическую возможность расформирования существующих «фондов-коллекций» и реконструкции исходных комплексов приказной документации XVII в. вряд ли стоит учитывать как почти неосуществимую в современных реалиях) возможности провести такую же работу и в таком же объеме в отношении ряда других важнейших приказов, прежде всего, четвертных и, в определенной мере, Посольского. Поэтому за точку отсчета в своей работе мы принимаем не *учреждение* — приказ, а одну из, выражаясь современным языком, межведомственных разновидностей *документов* — судебно-следственные дела и через них попытаемся обозначить некоторые направления исследований как по собственно историческим сюжетам, так и по вопросам, касающимся приказной системы и приказного делопроизводства в целом, которые можно решить при комплексном анализе этого вида источников.

Сразу же заметим, что мы не будем рассматривать судебно-следственные дела как «кладезь» для выявления «уникальных», как правило, хронологически более ранних, чем основной комплекс, документов. Подобное использование судебной документации не только широко практиковалось и практикуется в историографии, но и имеет свое теоретическое обоснование, наиболее четко сфор-

сотрудников всех уровней, скорость решения дел разного рода, специфику управленческих приемов этого учреждения во всех сферах его функционирования» (Там же. С. 11) и с блеском ее выполнил.

¹⁹ *Новохатко О. [В.]* Разряд в 185 году. С. 367–413.

²⁰ Там же. С. 543–555.

мулированное В. И. Корецким. Изучая столбцы Новгородской приказной избы и Поместного приказа, в частности, судебные поземельные дела по отделу и переделу поместий и отмечая трудности работы с нерасклеенными столбцами и их общую недоступность, историк пришел к выводу, что «именно в спорных делах и встречается наибольшее число уникальных документов, позволяющих проследить самые разнообразные процессы русской истории и восходящих к XV в., а в отдельных случаях и к более раннему времени»,²¹ и предложил, отказавшись от «засасывающей трясины» столбцов, выявлять, изучать и публиковать только такие «уникальные» документы без сопровождающего их делопроизводственного конвоя.

Сиюминутная успешность такого подхода для введения в научный оборот наиболее хронологически ранних и, соответственно, редких документов очевидна, как очевидна и не нуждается в дальнейшем обосновании и сугубо вспомогательная в этом случае роль судебных дел — простых «источников» подобных материалов.²² Не отрицая высокий археографический уровень некоторых, подготовленных по этому принципу публикаций²³ и их определенную

²¹ *Корецкий В. И.* Методика выявления уникальных документов из столбцов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. Днепропетровск, 31 октября — 2 ноября 1983 г. М., 1983. С. 156.

²² В. И. Корецкий, пользуясь своей методикой, сумел найти и выявить целый ряд интересных документов о событиях начала XVII в., связанных с голодом 1601–1603 гг., восстанием И. И. Болотникова и военными действиями против него: *Корецкий В. И.* 1) К истории восстания И. И. Болотникова // ИА. 1956. № 2. С. 129–144; 2) К истории восстания Хлопка (Новые материалы) // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 219–222; 3) Новое об И. И. Болотникове // Советские архивы. 1967. № 4. С. 102–103; 4) Новые документы по истории восстания И. И. Болотникова // Советские архивы. 1969. № 6. С. 75–83; и др. После смерти историка (1985 г.) вышел подготовленный по его инициативе и при самом активном участии сборник документов по истории Смуты: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сборник документов. М., 2003.

²³ Например, в сборники актов по истории служилых землевладельцев, опубликованные А. В. Антоновым, вошли «уникальные» документов из различного рода дел, в том числе и судебных (*Антонов А. В.* Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. 1–4. М., 1997–2007), И. Ю. Анкудинов издал

полезность при решении отдельных задач, не можем не отметить, что в настоящее время представляется необходимым относиться к судебнo-следственным, как, равным образом, и любым другим видам дел (административным, о жалованиях, о приездах и пр.) как к единому историческому источнику. Детальное же изучение и полная публикация всех без исключения компонентов судебнo-следственных материалов даст возможность представить в распоряжение историков не отобранные на основании субъективных критериев отдельные, пусть и весьма интересные, документы, а целостные комплексы, которые позволяют изучать гораздо более широкий круг проблем и ставить более интересные исследовательские задачи.

Одним из направлений таких исследований, при котором материалы судебнo-следственных дел выступают как основные источники, является изучение особенностей применения различных юридических норм, представленных конкретными законодательными памятниками, в повседневной судебной практике приказных и других учреждений центрального и местного управления.

Текстологический анализ нескольких десятков судебных дел второй половины XVII в., разбиравшихся в Новгородской и Устюжской четвертях (приказах), показал постоянное использование основных законодательных установлений этого периода, как со стороны приказных чиновников (докладные выписи и приговоры), так и тяжущихся сторон (инициативные, явочные и иные челобитные), стремившихся ссылками на главный законодательный кодекс государства обосновать юридическую правомерность принимавшихся центральной властью решений, в первом случае, и высказываемых притязаний и претензий, во втором.²⁴

некоторые документы из спорных дел, разбиравшихся писцом Ф. Т. Беклемишевым, посвященные истории Новгорода Великого (Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. Сборник документов / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. XI, 239–241). Подобные примеры можно и продолжить.

²⁴ Совсем недавно М. С. Черкасова обратилась к делопроизводственной документации XVII в. из архивов северных русских монастырей и архиерейских кафедр для изучения феодального права (*Черкасова М. С. О нетрадиционных источниках для изучения феодального права // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе*

В судебно-следственных делах, разбиравшихся в Новгородской и Устюжской четвертях (приказах) во второй половине XVII в., наиболее частыми были ссылки (в виде развернутых цитат или кратких упоминаний) на Соборное уложение,²⁵ из состава которого в рассмотренных нами судебных делах использовались следующие главы и статьи:

глава X «О суде»:

— *ст. 104* об обвинении истцов «роспискою» (1674–1677 гг. Новгородский приказ. Дело крестьянина Отлинской волости Яренского у. Андрея Блудова об убийстве его сына Осипа людьми гостя И. Д. Панкратьева;²⁶ 1684–1685 гг. Новгородский приказ. Дело об убийстве работного человека гостя И. Д. Панкратьева Ивана Якимова старцем Соловецкого монастыря Афанасием и приказчиком гостя О. И. Филатьева Филиппом Турчанином²⁷);

— *статья* (без указания номера — 113²⁸) о взыскании проестей и волокиты в случае затягивания дела истцом или ответчиком

гуманитарного знания. Материалы XX Международной научной конференции. Москва, 31 января — 2 февраля 2008 г. Ч. 2. М., 2008. С. 665–668). Такой подход можно только приветствовать. Единственное, что вызывает возражение — определение «нетрадиционные». На наш взгляд, на современном уровне развития источниковедения исследование истории права возможно только при обязательном единстве рассмотрения вопросов *возникновения* и содержания юридических кодексов (источники отдельных юридических норм, группировка статей по видам правонарушений или сфере действия административного и уголовного права и т. д.) и изучения особенностей *применения* их норм, основой чего и служат разного рода делопроизводственные материалы, возникавшие в повседневной деятельности различных государственных учреждений или отдельных лиц. «Традиционный» же анализ памятников феодального права с опорой исключительно на их собственные тексты или с привлечением других, таких же юридических по характеру, памятников (см., например: Маньков А. Г. 1) Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980; 2) Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998) представляется нам малопродуктивным.

²⁵ Публ.: Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987.

²⁶ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. М.; СПб., 2010. № VI. С. 236, 245.

²⁷ РГАДА. Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 3. № 2177. Л. 92.

²⁸ При отсутствии в деле точной ссылки на номер статьи Уложения, мы даем его в скобках, исходя из содержания процитированной/пересказанной в документе нормы.

(1687 г. Устюжская четверть. Дело по челобитью архимандрита Соловецкого монастыря Иллариона о взыскании с крестьянина Устюжского у. К. Панова проестей и волокиты из-за затягивания выполнения приговора 1685/86 г. о выплате им монастырю 56 руб. долговых денег²⁹);

— *статья* (без указания номера — 124) о размере пошлин, взимаемых по судебным делам (1688 г. Устюжская четверть. Дело по челобитной земского старосты Устюга Великого Т. Подонского о невзимании с судебных дел пошлин сверх указанных в Соборном уложении³⁰);

— *статья* (без указания номера — 133) о выдаче опасной грамоты (1674–1677 гг. Дело крестьянина Отлинской волости Яренского у. Андрея Блудова об убийстве его сына Осипа людьми гостя И. Д. Панкратьева³¹);

— *статья* (без указания номера — 139) о санкциях при оказании сопротивления приставу (1675 г. Новгородский приказ. Дело по челобитью приказчика гостя О. И. Филатьева Федора Евсевьева о написанных «ложно» подьячим яренской съезжей избы И. Матвеевым допросных речах³²);

— *ст. 142* о порядке вызова ответчика в суд (1678 г. Новгородский приказ. Дело по челобитной гостя И. Д. Панкратьева о даче суда с крестьянами Сереговской волости Яренского у. Л. и Е. Першуковыми³³);

— *статья* (без указания номера — 200), регламентирующая право необходимой обороны (1684–1685 гг. Новгородский приказ. Дело об убийстве работного человека гостя И. Д. Панкратьева И. Якимова старцем Соловецкого монастыря Афанасием и приказчиком гостя О. И. Филатьева Ф. Турчанином³⁴);

— *статья* (без указания номера — 204) об отдаче несостоятельных должников головою до искупа (1670–1673 гг. Приказ Большой казны и Посольский приказ. Дело об отдаче «в зажив голо-

²⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1508. Л. 15.

³⁰ Там же. Л. 302.

³¹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № VI. С. 222.

³² Там же. № XII. С. 305.

³³ Там же. № XXIII. С. 698–699.

³⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 2177. Л. 338.

вою» гостю И. Д. Панкратьеву торгового человека гостиной сотни Ивана Дмитриевича Нагаева за долг³⁵);

— *ст. 245* о наследовании долгов членами семьи, ближайшими родичами или иными лицами, к которым перешло по наследству имущество должника (1686–1687 гг. Устюжская четверть. Дело о взыскании крестьянином Устюжского у. Саввою Бушковским долговых денег на родственниках умершего гостя Афаная Федотовича Гусельникова Иване Гурьеве и Иване Федорове детях Гусельниковых³⁶);

— *статьи* (без указания номера — 261, 262) о взыскании кабальных и бескабальных долгов (1684–1685 гг. Новгородский приказ. Дело об убийстве работного человека гостя И. Д. Панкратьева И. Якимова старцем Соловецкого монастыря Афанасием и приказчиком гостя О. И. Филатьева Ф. Турчанином³⁷);

глава XVI «О поместных землях»:

— *ст. 10* о порядке сдачи прожиточных поместий вдовами и девками своим родственникам (1693 г. Новгородский приказ. Дело жителя Усть-Сысольских волостей Яренского у. Е. Карпова с зятем Я. Щелкуновым о разделе земельных владений, оставшихся после смерти матери Е. Карпова Софьи³⁸);

глава XVII «О вотчинах»:

— *ст. 1, 2* о правах наследования выслуженных вотчин (1687 г. Устюжская четверть. Дело крестьянина Устюжского у. Я. Дружкова с посадскими людьми Устюга Великого Василием Афанасьевым и Иваном Федоровым детьми Шергиными о проданной деревне;³⁹ 1693 г. Новгородский приказ. Дело крестьян Глотовой слободки Яренского у. Михаила и Никиты Арефиных детей Жилиных с прие-

³⁵ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № IV. С. 194, 195.

³⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 1560. Л. 58, 67, 84, 100. Подробнее об этом судебном разбирательстве см.: Тимошина Л. А. Завещание гостя Афанасия Гусельникова и некоторые вопросы общественно-экономического положения гостей в Русском государстве XVII века // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2007. С. 259–307.

³⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 2177. Л. 463, 464.

³⁸ Там же. № 4223. Л. 92–93.

³⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1508. Л. 62–63, 81.

мышем их умершего брата Антропа Арефина сына Жилина Афана-
сием Акилиным о владении земельными угодьями и двором⁴⁰;

— *ст. 12* о порядке наследования вотчин вдовами (1693 г. Нов-
городский приказ. Дело жителя Усть-Сысольских волостей Ярен-
ского у. Е. Карпова с зятем Я. Щелкуновым о разделе земельных
владений, оставшихся после смерти матери Е. Карпова Софьи⁴¹);

— *ст. 33* о порядке выкупа заложенных вотчин (1675 г. Новго-
родский приказ. Дело о выдаче отводных памятей приказчику Се-
реговского соляного промысла И. А. Шергину на пустые и зало-
женные земли в Яренском у.⁴²);

— *ст. 34, 35* о санкциях за мошенничество при продаже и за-
кладе вотчин (1678–1683 гг. Новгородский приказ. Дело гостей
И. Д. Панкратьева и О. И. Филатьева о владении спорной землей
Кочь в Сереговской волости Яренского у.⁴³);

— *ст. 42* о запрете всем духовным чинам и монастырям поку-
пать и брать в заклад родовые, выслуженные и купленные вотчины
(1658–1683 гг. Новгородский приказ. Дело властей Соловецкого
монастыря с дьяком Д. Г. Панкратьевым и его сыном, гостем
И. Д. Панкратьевым, о владении землей Удор в Сереговской волос-
ти Ляльской трети Яренского у.;⁴⁴ 1688 г. Устюжская четверть. Дело
по челобитной земского старосты Великого Устюга Ивана Прото-
дьяконова о неотдаче архиепископу Устюжскому и Тотемскому
Александру тяглых покупных дворовых мест⁴⁵);

глава XIX «О посадских людех»:

— *ст. 5, 15*, регулирующие вопросы владения лавками, амбара-
ми, соляными варницами представителями тяглых и нетяглых
групп населения (1658–1683 гг. Новгородский приказ. Дело влас-
тей Соловецкого монастыря с дьяком Д. Г. Панкратьевым и его сы-
ном, гостем И. Д. Панкратьевым, о владении землей Удор в Сере-
говской волости Ляльской трети Яренского у.⁴⁶);

⁴⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 4223. Л. 193–194.

⁴¹ Там же. Л. 91, 94.

⁴² Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № IX. С. 283, 284.

⁴³ Там же. № XX. С. 477–478.

⁴⁴ Там же. № I. С. 26–27, 33, 49–50, 58.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1508. Л. 330.

⁴⁶ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 27, 33, 50, 58–59.

— *ст. 7* о запрещении владеть торгово-промысловыми слободами в городах светским и духовным феодалам (1678–1683 гг. Новгородский приказ. Дело гостей И. Д. Панкратьева и О. И. Филатьева о владении спорной землей Кочь в Сереговской волости Яренского у.⁴⁷);

— *статья* (без указания номера — 9, условно) о приписке к посаду частновладельческих крестьян «по торгу и промыслам» (1688 г. Устюжская четверть. Дело по челобитью земского старосты Устюга Великого И. Протодияконова о приписке в посад ряда лиц, живущих в городе и занимающихся торговлей и промыслами⁴⁸);

— *ст. 34, 35* о несения тягла торговыми людьми гостиной и суконной сотен в случае владения недвижимым имуществом в городах (1658–1683 гг. Новгородский приказ. Дело властей Соловецкого монастыря с дьяком Д. Г. Панкратьевым и его сыном, гостем И. Д. Панкратьевым, о владении землей Удор в Сереговской волости Ляльской трети Яренского у.⁴⁹);

глава XX «Суд о холопях»:

— *ст. 45*, регламентирующая отдачу детей в работу по жилой записи (1688 г. Устюжская четверть. Дело по челобитью устюжанки вдовы А. Игнатьевой на жителя Московской Бронной слободы К. В. Золотарева, который взял «в учение» ее сына Дмитрия⁵⁰).

Помимо Соборного уложения в судебных делах имеются ссылки на:

— *новоуказные статьи* (1676 г. марта 14. Новоуказные статьи о вотчинах⁵¹) (1687–1688 гг. Устюжская четверть. Дело по челобитью крестьянина Устюжского у. С. Бушковского на крестьянина того же уезда И. Жилина, записавшего в новые межевые книги его землю⁵²);

— *новоуказные статьи* (1669 г. Новоуказные статьи о татьбе, разбойных и убийственных делах⁵³) (1684–1685 гг. Новгородский

⁴⁷ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № XX. С. 560–561.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1508. Л. 263 об.

⁴⁹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 56.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1508. Л. 131.

⁵¹ Публ.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 261–267.

⁵² РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. № 1508. Л. 170.

⁵³ Публ.: ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. № 431.

приказ. Дело об убийстве работного человека гостя И. Д. Панкратьева И. Якимова старцем Соловецкого монастыря Афанасием и приказчиком гостя О. И. Филатьева Ф. Турчанином⁵⁴);

указы:

— 1629/30 г. указная грамота из Новгородской четверти за приписью дьяка Баима Болтина на Двину о запрещении крестьянам продавать и отдавать в виде вкладов в церкви и монастыри тяглые земли (1658–1683 гг. Новгородский приказ. Дело властей Соловецкого монастыря с дьяком Д. Г. Панкратьевым и его сыном, гостем И. Д. Панкратьевым, о владении землей Удор в Сереговской волости Ляльской трети Яренского у.⁵⁵);

— 1634/35 г. указная грамота в Соль Камскую об уплате гостями и торговыми людьми гостинной сотни тягла с принадлежащих им тяглых угодий наряду с усольцами (1678–1683 г. Новгородский приказ. Дело гостей И. Д. Панкратьева и О. И. Филатьева о владении спорной землей Кочь в Сереговской волости Яренского у.⁵⁶);

— 1637/38 г. указная грамота о подтверждении предыдущего указа (то же дело⁵⁷);

— 1647/48 г. указная грамота в Заонежские погосты на Олонец о сыске беглых черносошных крестьян, возвращении им «безденежно» проданных или заложенных участков земли и запрещении впредь продавать и закладывать тяглую землю (то же дело⁵⁸);

— 1648/49 г. указная грамота о подтверждении предыдущего указа (то же дело⁵⁹);

— 1653/54 г. указная грамота в Каргополь и Турчасов о возвращении владельцам «безденежно» тяглых участков земли, заложенных ими «от бедности» (то же дело⁶⁰);

— 1659 г. *марта 10* указная грамота в Соль Камскую об уплате гостями и торговыми людьми гостинной сотни тягла с принадлежащих им тяглых угодий наряду с усольцами (то же дело⁶¹);

⁵⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 2177. Л. 3, 17, 54, 270, 287, 338.

⁵⁵ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 61.

⁵⁶ Там же. № XX. С. 544.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 521.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 521–522.

⁶¹ Там же. С. 544–545.

— 1660/61 г. указная грамота в Старую Руссу об обложении тяглом наряду с посадскими людьми варниц и дворов торговых людей гостиной сотни в случае, если их владения находятся на тяглой земле (то же дело⁶²);

— 1670 г. ноября 9 указная грамота в Соль Камскую о сборе с гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен и их приказчиков поручных записей об уплате оброка с тяглых владений (то же дело⁶³).

Приведенный перечень ссылок в судебно-следственных делах на законодательные памятники и, прежде всего, различных статей из целого ряда глав Соборного уложения показывает постоянное использование в различной форме в повседневной приказной деятельности разнообразных юридических норм: дьяки в пометах или при записи приговоров чаще всего упоминали действующее законодательство в самой общей форме — «указ учинить по Уложению тотчас», «выписать из Уложения» и т. д., подьячие в перечневых или докладных выписях, как правило, дословно цитировали статьи полностью или в виде больших фрагментов. При этом ссылки на Уложение имели не формально-этикетный, а самый что ни на есть практический смысл. Только на основании реального и документально подтвержденного нарушения зафиксированных в нем постановлений, имевших тем самым, как показывают материалы дел, безусловно обязательный характер, высшими приказными служителями были вынесены несколько приговоров в пользу той или другой тяжущейся стороны, независимо от общественного и финансово-экономического положения, социального статуса и места в судебном процессе участников спора.

В частности, основываясь на 42-й статье XVII главы Соборного уложения, запрещающей монастырям владеть вкладными землями, судья Новгородской четверти окольниковый А. С. Матвеев⁶⁴ вынес 22 июня 1674 г. приговор в пользу истца, гостя Ивана Данило-

⁶² Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № XX. С. 545.

⁶³ Там же. С. 546.

⁶⁴ А. С. Матвеев являлся судьей Новгородской четверти (приказа) и одновременно Посольского приказа в 1671/72–1676/77 гг. (Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 105, 133).

вича Панкратьева, в его споре с властями Соловецкого монастыря о владении землей чернососных крестьян Гичевых в Яренском у., в 1650-х годах вложенной ими в эту обитель, а затем проданной московскому гостю.⁶⁵ Несколько позднее, за полтора месяца до того, как он покинет свой пост,⁶⁶ 28 апреля 1676 г. тот же А. С. Матвеев, но уже получивший чин боярина,⁶⁷ примет решение на осно-

⁶⁵ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 53–54.

⁶⁶ По данным С. К. Богоявленского, А. С. Матвеев был в Посольском приказе и Новгородской четверти до 3 июля 1676 г., а с 4 июля его сменил думный дьяк Ларин Иванов (*Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат...* С. 133). П. В. Седов отмечает падение престижа А. С. Матвеева уже со второй половины апреля 1676 г. (*Седов П. В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века.* СПб., 2008. С. 233–234). 3 июля, по сведениям шотландского полковника Павла Менезиуса, во время заседания Думы, когда Матвеев читал царю и членам этого собрания переводы европейских газет, Федор Алексеевич обвинил его самого в «несправедливости, грубости и вымогательствах». Утром 4 июля стрельцы вывели А. С. Матвеева из его дома, и в этот же день он был отстранен от управления Посольским приказом (Там же. С. 242–243). Указ об опале А. С. Матвеева объявил 4 июля боярин Р. М. Стрешнев (*Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII вв. (Очерки истории).* СПб., 2006. С. 445). П. Бушкович, представивший очерк деятельности А. С. Матвеева в контексте изучения политической обстановки в первые годы жизни будущего царя Петра I, связывает начало попыток дискредитации этого государственного мужа с началом февраля 1676 г., а 3 июля «Матвеев лишился поста судьи Посольского приказа» (*Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725).* СПб., 2008. С. 54–110). Странно, что оба современных историка совершенно не обращают внимания на тот факт, что А. С. Матвеев до последнего дня, как показывают судебные дела, возглавлял не только Посольский приказ, но и самое, очевидно, мощное финансовое учреждение — Новгородскую четверть (приказ). И вряд ли случайно после падения А. С. Матвеева руководство четвертью перешло к боярину И. М. Милославскому (*Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат...* С. 105), основной в течение ряда следующих лет фигуре на русском политическом горизонте, а затем, после смерти царя Федора Алексеевича, руководством Посольским и четвертными приказами, прежде всего, Новгородским и Устюжским, что также хорошо прослеживается по материалам судебных дел, опять сосредоточилось в руках одних и тех же лиц. Интересно было бы задать вопрос о сути и значении столь тесной связи между этими различными по своим функциям учреждениями.

⁶⁷ А. С. Матвеев получил боярский чин 8 октября 1674 г. (*Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725).* С. 69).

вании 104-й статьи X главы о «росписке», т. е. наличии противоречий в показаниях одного и того же лица, изложенных им, с одной стороны, в челобитной, а с другой — в расспросных речах, на очной ставке или в ходе иных следственных мероприятий, в деле об убийстве крестьянина Осипа Блудова работными людьми Сереговского соляного промысла Яренского у. в пользу ответчика, усольского приказчика Ивана Андреева сына Шергина, а не истца, отца убитого, Андрея Афанасьева сына Блудова, который в челобитной и на очной ставке по-разному описал обстоятельства гибели своего сына.⁶⁸

Вместе с тем использование Соборного уложения не только чиновниками государственных учреждений, по роду своих занятий обязанных знать основной юридический документ, но и другими, если и не совсем «частными», то и не принадлежащими к бюрократической среде лицами (гости, монахи, посадские люди, черносошные крестьяне), в своих челобитных, иногда с указанием номеров статей, иногда с довольно точным их цитированием/пересказом, легко позволяющим понять, о какой именно клаузуле идет речь, дает возможность поставить вопрос о степени доступности Уложения разным группам населения и в разных регионах.

Ранее, на основании других источников — приходо-расходных книг Московского печатного двора, мы уже рассматривали сюжеты, связанные с распространением Соборного уложения на первом этапе этого процесса — путем продажи через лавку при типографии.⁶⁹ Судебно-следственные дела содержат косвенную, но не становящуюся от этого менее интересной, информацию о втором этапе бытования любой книги — ее использовании.

⁶⁸ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № VI. С. 245–246.

⁶⁹ Тимошина Л. А. 1) Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. Сборник научных трудов. М., 2004. С. 189–205; 2) Старопечатные издания Уложения 1649 года и приказные учреждения середины XVII века // Федоровские чтения. 2005. М., 2005. С. 296–304; 3) Покупка книг жителями Великого Устюга в 30-х — начале 60-х годов XVII века // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2004. С. 250–304; 4) Реализация изданий тиражей Соборного Уложения на рубеже 1640-х — 1650-х гг. // Вестник Нижегородского государственного гуманитарного университета. 2009. № 2. С. 53–61.

Сопоставление отчетных финансовых документов и материалов судебных разбирательств показывает, что, по-видимому, только Соловецкий монастырь приобрел Соборное уложение на первичном рынке — 16 июня 1649 г. старец этой обители Матфей купил один экземпляр книги по указной цене в 1 руб.⁷⁰ Имена других лиц, ссылавшихся на кодекс, дьяка Данилы Григорьевича Панкратьева, гостей Ивана Даниловича Панкратьева, Остафия Ивановича Филатьева, посадских людей Великого Устюга Ивана Протодьяконова и Тимофея Подонского, чернососшных крестьян разных уездов Ивана Гурьева и Ивана Федорова детей Гусельниковых,⁷¹ Якова Дружкова, Михаила и Никиты Жилиных в приходе-расходных книгах лавки при Московской типографии отсутствуют. Все они, за исключением, по-видимому, Д. Г. Панкратьева, который как дьяк Казенного приказа имел возможность прибегнуть к «служебному» экземпляру,⁷² возможно, просто не успели купить это издание⁷³ и для ознакомления с кодексом должны были использовать или вторичный рынок книжной продукции, или заказывать рукописные копии отнюдь не маленькой книги,⁷⁴ или обращаться к экземп-

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 1. Кн. 39. Л. 658 об.

⁷¹ В 1696 г. Иван Гурьевич будет упоминаться как торговый человек гостинной сотни (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 386), но в судебном деле 1682 г. о наследстве своего родственника, гостя Афанасия Гусельникова, он называется еще чернососпным крестьянином Устюжского у.

⁷² 24 июня 1649 г. «на Казенный двор в приказ» был выдан экземпляр кодекса (РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 39. Л. 670 об.).

⁷³ Напомним, что оба тиража (по 1200 экз. каждый) Соборного уложения, почти полностью (89,4% и 97,8%, соответственно) поступившие в продажу, были распроданы очень быстро — с 14 июня по 7 августа 1649 г. (первый тираж) и с 4 января 1650 г. по 25 августа 1651 г. (второй тираж) (см.: *Тимошина Л. А.* Старопечатные издания Уложения 1649 года... С. 297–298). Впрочем, нельзя сказать, что представители семей Филатьевых или Гусельниковых вообще не знали о существовании лавки при Печатном дворе или совсем уж не интересовались книгами. Сам О. Филатев покупал там Псалтыри и Минеи общие, правда, чуть позднее, в июне 1652 г. и в августе 1660 г., а довольно активные приобретения книжной продукции братьями Афанасием и Василием Гусельниковыми фиксируются, начиная с июля-августа 1651 г. (см.: *Тимошина Л. А.* Распространение книг Московского Печатного двора... С. 193, 197–198).

⁷⁴ Оба издания представляли собой фолианты по 338 листов в 2° (Московские кирилловские издания в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 2. 1626–1650.

лярам, находившимся не в личной, а в «корпоративной» собственности, в распоряжении отдельных посадских или крестьянских общин,⁷⁵ а также в государственных учреждениях местного управления. Так или иначе, судебно-следственные материалы могут служить если и не единственным, то, в любом случае, чрезвычайно ценным источником для изучения действительного распространения Соборного уложения как в географическом, так и в социальном плане.

Еще более важным, на наш взгляд, аспектом использования судебных дел для изучения Соборного уложения является уникальная и вряд ли доступная по другим источникам возможность анализа степени понимания и выявления трактовок отдельных статей памятника современниками, как приказными чиновниками, так и тяжущимися сторонами, истцами и ответчиками, из самых разных общественных слоев, то есть людьми XVII в., а не историками или правоведами XIX — начала XXI столетия, которые при изучении этого кодекса довольно часто руководствуются некими абстракт-

М., 2002. № 123. С. 281; № 127. С. 288). В различных архивохранилищах и отделах рукописей музеев и библиотек существует не один десяток рукописных экземпляров Уложения, общее количество которых не подсчитано, а сами книги не описаны. Поэтому в настоящее время установить их владельческую принадлежность и ареал распространения нельзя.

⁷⁵ Известно, что в период с 14 июня 1649 г. по 6 мая 1650 г. устюжане из различных категорий населения купили 21 экземпляр обеих тиражей Уложения. И если приобретение одной книги можно рассматривать как вклад в личную библиотеку, то покупка сначала четырех, а потом десяти экземпляров Уложения (братья, торговые люди гостинной сотни Иван и Василий Усовы-Грудцыны, 14 июня 1649 г. и 11 января 1650 г.) вряд ли предполагала удовлетворение собственных потребностей. Не менее показательным и то обстоятельство, что 1 августа 1649 г. в лавке при типографии находился подьячий устюжской съезжей избы Дмитрий Федотов (нельзя ли предположить его родственную связь с Афанасием и Василием Федотовыми детьми Гусельниковыми, которые в приказных документах часто именуется по патрониму «Федотовыми») и купил кодекс (подробнее см.: Тимошина Л. А. Покупка книг жителями Великого Устюга... С. 288). В любом случае, в Устюге, в частных ли руках, в съезжей ли или земской избах, а, скорее всего, учитывая вероятность продажи книги, и в уезде, находилось достаточное количество экземпляров Уложения, что хорошо корреспондируется с очевидной юридической грамотностью жителей города и уезда.

ными представлениями о содержании, смысле и роли его отдельных статей.

В свое время, рассматривая вопрос о применении некоторых статей XVI («О поместьях») и XVII («О вотчинах») глав Соборного уложения в приказном делопроизводстве 80-х годов XVII в., мы пришли к выводу, что использование определенных статей участниками судебных конфликтов и чиновниками Новгородского приказа в ситуациях, касающихся черносошного землевладения, «дают возможность иной, более широкой трактовки содержания как этих статей, так и обеих глав памятника в целом и распространения его по крайней мере на еще одну группу населения Русского государства — черносошных крестьян». ⁷⁶ Подтверждением нашего суждения служат материалы ряда других дел как с участием самих черносошных крестьян, так и посвященных рассмотрению вопросов владельческой принадлежности черных земель в отношении иных социальных групп, дел, относящихся к другим хронологическим периодам и к деятельности не только Новгородской, но и Устюжской четвертей.

Как видно из приведенного выше перечня, в различных делах этих приказов второй половины 1650-х — 1690-х гг. по-прежнему используются 1, 2 статьи XVII главы, к которым добавились еще четыре законоположения о вотчинах — статьи 33, 34, 35 и 42. Особое значение в этом отношении имеет ст. 42 о запрещении вкладов родовых, выслуженных или купленных вотчин в монастыри, неоднократно фигурировавшая в деле 1658–1683 гг. Соловецкой обители с Д. Г. и И. Д. Панкратьевыми о владении спорной землей. Пикантность ситуации заключается в том, что участок земли, по поводу которого и произошел 25-летний конфликт, изначально принадлежавший черносошному крестьянину Сереговской волости Яренского у. Зиновию Иванову с. Гичеву, был вложен им в Соловецкий монастырь в 1653 г., т. е. через пять лет после принятия Уложения. Таким образом, статья о вкладных вотчинах была применена опять-таки в отношении владений представителя тяглого населе-

⁷⁶ Тимошина Л. А. К вопросу о применении XVI и XVII глав Соборного Уложения в приказной практике 80-х гг. XVII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 334.

ния, и никакие ухищрения соловецких властей не могли замаскировать факт явного нарушения законоположений основного юридического кодекса государства.

Возможно, менее значимым по своим конечным выводам, но отнюдь не безынтересным представляется, на наш взгляд, текстологический анализ опубликованных текстов Уложения и выписей из них, которые делали подьячие. Такое сопоставление поможет ответить на целый ряд вопросов, в частности, о степени сознательного, обусловленного материальной заинтересованностью или личными (родственными) контактами приказных служителей различных рангов с тяжущимися сторонами, вмешательства в текст и возможности такого вмешательства вообще; количестве механических описок, неточностей прочтения и т. д., возникающих из-за невнимательности, невысокого уровня квалификации подьячих и по другим причинам при переписывании печатного текста, которые, тем не менее, могли бы исказить суть излагаемых норм и тем самым, пусть и невольно, повлиять на принятие решения в пользу истца или ответчика; о юридической равноценности первого и второго изданий этого памятника путем выявления как можно большего количества «приказных» рукописных текстов, совпадающих с тем или иным печатным вариантом.⁷⁷

⁷⁷ В историографии существуют две точки зрения по этому вопросу. М. Ф. Владимирский-Буданов, основываясь на характере разночтений в двух печатных изданиях, пришел к выводу, что «...всякие экземпляры Уложения всяких типов были распространены и действовали одинаково» (*Владимирский-Буданов М. Ф.* Новые открытия в истории Уложения царя Алексея Михайловича // *Университетские известия*. Киев, 1880. № 2. Отд. III. С. 26–27). Анализ приходо-расходных книг Печатного двора о распределении по приказам и продаже обоих изданий Уложения дал нам основания разделить точку зрения известного историка права (Подробнее см.: *Тимошина Л. А.* Старопечатные издания Уложения 1649 года... С. 297–301). Наоборот, Л. И. Ивина в археографическом предисловии к современной публикации текста кодекса указала, что «Первое издание в исследовательской литературе считается неисправным» (*Соборное Уложение 1649 года*. С. 12), и повторила свою мысль в специальной статье, посвященной истории издания Уложения: «II издание 1649 г. приобрело тот вид законодательного памятника, который и был принят в юридической практике XVII в.» (*Ивина Л. И.* Уложение 1649 года и его издания // *ВИД*. Вып. 14. Л., 1983. С. 166). Остается непонятным, насколько точно суждения, заключенные в «исследовательской литературе», отражают дейст-

Не предвосхищая результатов такого анализа, отметим только одну, сразу же бросающуюся в глаза особенность работы приказных служителей с текстом Соборного уложения: редактирование царского титула в соответствии с историческими реалиями в выписях, составленных после середины 1650-х гг. Как известно, в Уложении верховный правитель страны именуется «государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси»,⁷⁸ однако в приказных копиях статей кодекса, написанных после указанного времени, его титул меняется на «государь царь и великий князь всея Великия и Малыя и Белья Росии».⁷⁹ Очевидно, что после присоединения в результате русско-польской войны новых территорий к Русскому государству, результаты которого отразились в царском титуле, строгое следование в прямом смысле слова «букве» (буквам) печатного текста Уложения стало для подьячих невозможным и грозило им самим довольно суровым наказанием за «прописку» государева «имянованья».⁸⁰ В результате, во всех рукописных копиях статей Уложения с упоминанием царского имени печатный текст подвергался серьезной редакторской правке с включением целого фрагмента, что, помимо очевидной и не требующей особых доказательств важности этого вопроса для всех уровней власти и населения государства, является хорошим датирующим признаком уже для самих судебных дел. Иначе говоря, форма воспроизведе-

тельность XVII столетия и могут служить решающим аргументом для столь ответственного вывода, а никаких реальных доказательств из «юридической практики XVII в.» исследовательница не привела. Поэтому представляется, что именно судебно-следственные дела дают замечательную возможность проверить правомерность двух взаимоисключающих друг друга позиций историков.

⁷⁸ Соборное уложение 1649 года. С. 17, 24, 31, 69, 90 и др.

⁷⁹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 26–27, 33, 49–50, 58.

⁸⁰ В августе 1658 г. (изменение царского титула произошло не так давно!) «за прописку его государева имянованья» был наказан, бит кнутом, подьячий патриаршего дворцового приказа Ларион Александров (ПСЗ. Т. 1. № 233. С. 459). Такой же каре подвергся, как известно, и подьячий Посольского приказа Григорий Карпович Котошихин, когда в отписке от 19 апреля 1660 г. вместо слов «великий государь» написал только слово «великий» (см., например: *Леонтьева Г. А.* Введение // *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 6–7).

ния царского титула в приказных выписях или других документах с цитированием статей Соборного Уложения в том случае, когда сами эти документы не имеют точных дат, позволяет определять время их появления периодом «до» или «после» 1654 г.⁸¹

Не меньший интерес для «теоретического», с точки зрения развития отдельных юридических норм и положений, и «практического», с точки зрения их применения в повседневной судебной и административной практике, исследования русского законодательства XVII в. представляют часто упоминавшиеся в судебно-следственных делах указы. Сравнение дат, адресатов и адресантов таких указов и их текстов, которые приводятся с разной степенью подробности, но, как правило, позволяют довольно точно уловить суть распоряжений, с имеющимися в распоряжении исследователей сборниками нормативных актов или работами предшественников по истории тех или иных отраслей русского права позволяет, во-первых, выявить новые, не учтенные до сего дня правительственные распоряжения, а во-вторых, соотносить их с уже известными указами, изучать направления развития отечественной юридической мысли.

В подтверждение сказанного сошлемся на выявленные в некоторых судебных делах Новгородской и Устюжской четвертей и перечисленные выше указы конца 1620-х — начала 1670-х годов. Все эти распоряжения касаются, исходя из специфики социального состава населения подведомственных этим приказам территорий, некоторых юридических тонкостей, связанных с черносошными землями: с одной стороны, регулируются вопросы крестьянского землевладения, с другой — определяются «неподатные» группы лиц,

⁸¹ Литература по истории складывания царского титула весьма велика, поэтому мы укажем только две работы — новейшую и посвященную изменениям в титуле при царе Алексее Михайловиче: *Пчелов Е. В.* Объектный титул русских государей: особенности структуры и принципы формирования // *Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной конференции. Москва, 31 апреля — 2 февраля 2008 г.* Ч. 1. М., 2008. С. 121–136; *Комочев Н. А.* К вопросу об изменениях в царском титуле при царе Алексее Михайловиче // *Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции.* М., 2006. С. 253–256).

обязанных платить тягло при наличии у них тяглых земельных владений в этих регионах.

В. Седашев, М. М. Богословский, А. И. Копанев и многие другие историки, занимавшиеся рассмотрением законодательства о черных землях,⁸² отмечали стремление правительства⁸³ предотвратить распыление фонда черных земель, прежде всего путем их заклада или продажи духовным корпорациям, для чего из четвертей на места постоянно посылались соответствующие запретительные указы.

М. М. Богословский выделил среди этих распоряжений указы 1623 г. писцу Устюжского уезда Н. Вышеславцеву⁸⁴ и 1624 г. пис-

⁸² Не приводя даже выборочно отдельные работы, общее количество которых весьма велико, сошлемся только на некоторые из них, где есть необходимая библиография: *Колесников П. А.* 1) История европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской историографии // Вопросы аграрной истории. Материалы научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства европейского Севера СССР. Вып. 1. Вологда, 1968. С. 465–500; 2) Хозяйственное освоение европейского Севера в досоветской историографии // Хозяйство северного крестьянства в XVII — начале XVIII века. Сыктывкар, 1987. С. 5–14; *Александров В. А.* Общинное землевладение в феодальной России (Основные историографические аспекты вопроса) // ИСССР. № 6. С. 89–106; *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 62–90; *Горская Н. А.* Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 142–193.

⁸³ Сутобо предварительно заметим, что постоянно употребляющийся в историко-юридической литературе, но крайне неопределенный термин «правительство», не позволяет, за очень немногими исключениями, выявить авторов или, скажем мягче, инициаторов важнейших распоряжений, мер, реформ и т. д. из числа лиц, находящихся у власти (верить в возможность «коллективного творчества» мы отказываемся), и тем самым хоть как-то персонифицировать отечественную историю, показать значение и условия деятельности отдельных людей, уровень их образования, личных качеств, кругозора, профессиональных, в самом широком смысле слова, навыков, степень самостоятельности и независимости от статусного правителя страны — царя или, наоборот, полного подчинения и т. д. Не исключено, что подробное изучение всех тонкостей приказного судебного делопроизводства, позволив понять механизм принятия решений (приговоров и указов) по частным вопросам, даст в будущем возможность раскрыть этот же механизм, но уже в общегосударственном масштабе.

⁸⁴ Публ.: *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. 1. М., 1913. С. 214.

цам Сольвычегодского (Усольского) и Устюжского уездов И. С. Благово и В. Архипову,⁸⁵ указ 20 июня 1649 г. о неотчуждении участков черной земли в Заонежских погостах,⁸⁶ упоминание об указе 1644/45 г. в поморские города о запрещении давать вкладом и продавать в церкви и монастыри тяглые дворы, амбары и лавки, грамоту от 31 июля 1651 г. сольвычегодскому воеводе И. Злобину с пометой о посылке таких же грамот в Устюг Великий, Архангельск, Пермь Великую и Соль Камскую⁸⁷ с повторным запрещением вкладывать и продавать тяглые земли и угодья в церкви и монастыри или беломестцам и указ 1652 г. в Каргопольский уезд о неотчуждении, как и в Заонежских погостах, участков черносошной земли.⁸⁸

А. И. Копанев обратил внимание на существование грамоты 1619/20 г., посланной из Новгородской четверти двинскому воеводе с первым, по-видимому, для XVII в. предписанием «Не велено на посадах посадским людем, а в волостях волостным крестьяном дворов своих и государевых оброчных и черных тяглых деревень и земель и угодей в монастыри и к церквам в заклад отдавати и продавати».⁸⁹ Затем историк перечислил те же указы писцам Сольвычегодского и Устюжского уездов, добавив к ним указы 1628 г. с таким же запрещением писцам вятских земель⁹⁰ и Заонежских погостов,⁹¹ грамоты на Устюг 1636 и 1645 гг. и наказ устюжским писцам 1646 г. о неразрешении давать вкладом деревни в монастыри и продавать или закладывать торговым людям гостиной и суконной сотен, а также, как и М. М. Богословский, остановился на окружной грамоте 31 июля 1651 г. и указах от 20 июня 1649 г. и 1652 г. в Заонежские погосты и Каргопольский уезд.⁹²

⁸⁵ Публ.: *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. 1. С. 283.

⁸⁶ Публ.: ПСЗ. Т. 1. № 10. С. 169.

⁸⁷ Публ.: ДАИ. Т. 3. СПб., 1848. № 88. С. 325–326.

⁸⁸ *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909. С. 59–60.

⁸⁹ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 12.

⁹⁰ Публ.: *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. Т. 2. Вып. 1. М., 1913. С. 70.

⁹¹ Публ.: Там же. С. 83.

⁹² *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 12–16. В последней по хронологии работе Е. Н. Швейковской, посвященной крестьянству чер-

Сравнение приведенных М. М. Богословским и А. И. Копаневым указов об особенностях черносошного землевладения с выделенными нами при рассмотрении судебных дел распоряжениями показывает, что из девяти учтенных нами актов (см. выше) только два — 1648/49 и 1653/54 гг. в Заонежские погосты и Каргопольский уезд, совпадают, по-видимому, с известными исследователям ранее. Небольшая разница в датировке объясняется, в первом случае, формой воспроизведения даты в приказной выписи «в прошлом же во 157-м году» без указания месяца, а во втором, возможно, опиской подьячего — «да в прошлом во 162-м году». Все остальные указы, касающиеся как черной земли в северных уездах, так и налогодобложения тяглых угодий и промыслов в Соли Камской и Старой Руссе в известной нам литературе и сборниках нормативных актов не фигурируют.⁹³

Таким образом, обращение к ряду судебно-следственных дел позволило выявить семь «новых» указов по важным вопросам экономической жизни и социальных отношений в одном из регионов Русского государства XVII в., в том числе «авторскую» указную грамоту на Двину 1629/30 г. с точным обозначением учреждения, откуда она была отправлена — Новгородская четверть, лица, ведавшего подготовкой этого документа, — дьяк Баим Болтин,⁹⁴ и большой выдержкой из ее текста — «... в монастыри и к церквям

носошного Севера, вопрос о юридическом статусе черных земель представлен в виде историографического очерка, юридическое положение крестьян, которое трактуется историком только с точки зрения их (крестьян) «крепости» тому или иному объекту — общине или наделу, рассмотрено на основании глав Соборного уложения, никакие дополнительные распоряжения центральной власти не учитываются (*Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. С. 62–97).

⁹³ В монографиях, посвященных этим двум соляным промыслам (*Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957; *Рабинович Г. С.* Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII вв. (К вопросу о генезисе капитализма в русской промышленности). Л., 1973) особенности юридического положения и принадлежности тяглых угодий нетяглым слоям населения рассматриваются очень кратко.

⁹⁴ По данным С. К. Богоявленского, Баим Болтин работал в Новгородской четверти с 16 февраля 1627 г. до 25 декабря 1631 г. (*Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат... С. 104).

никаких вотчин и крестьяном дворов своих и тяглых земель продавать и за вклад отдавать не велено, а буде кто продаст или за вклад отдаст, и ту вотчину взять на великого государя и отдать в роздачу, кто о таких вотчинах учнет великому государю бить челом».⁹⁵

Простое сравнение текстов двух, разделенных десятилетием, указов — 1619/20 и 1629/30 гг. — о неотчуждении черных земель в церкви и монастыри показывает развитие юридической мысли, которое предварительно можно связывать как с именем конкретного человека, так и с общим направлением развития юридической мысли. Дальнейшее изучение в их полном и целостном виде материалов судебных процессов, отложившихся в этих и других приказах, позволит проводить исследования русского законодательства, как минимум, в двух аспектах, условно назовем их «количественным» и «качественным».

«Количественный» аспект предоставит, со всей очевидностью, в руки исследователей неизвестные до сего дня указы, которые, бесспорно, будут затрагивать и другие, помимо особенностей черносошного землевладения, вопросы. В связи с этим не можем не высказать нашего принципиального несогласия с одной из методик изучения русского законодательства, основной смысл которой со-

⁹⁵ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 61.

Заметим, что очень важная для черносошного землевладения окружная грамота от 31 июля 1651 г. имеет помету: «186 августа в 19 день по указу великого государя боярин князь Юрьи Алексеевич Долгоруково да стольник Кирило Аристархович Яковлев, слушав сей выписи, велели...» беломестцам платить подати и служить службы вместе с посадскими людьми Соли Вычегодской «и в писцовые книги их писать вместе» (ДАИ. Т. 3. № 88. С. 325–326). Следовательно, грамота была опубликована по списку, входящему в докладную выпись Сысского приказа (боярин кн. Ю. А. Долгорукий и стольник К. А. Яковлев в 1678 г. были судьями этого приказа (*Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат... С. 187)). Такие выписи готовились в приказах по завершении рассмотрения тех или иных административных или судебных дел, начинавшихся по поданным туда челобитным (в данном случае, исходя из содержания приговора, инициаторами можно предположить посадских людей Соли Вычегодской), чтобы на их основании приказные судьи могли вынести свое решение. Таким образом, при публикации этот документ был изъят из подобного рода дела, которое, судя по еще одной помете, в середине XIX в. хранилось в МГАМИД и, возможно, находится в том или ином фонде/фондеколлекции и поныне.

стоит в подсчете общего количества указов и постановлений, содержащихся, например, в ПСЗ, их распределении по хронологическим периодам, тематике, категориям населения, их неизбежно субъективной трактовке, определении на основании полученных цифр различных процентных соотношений и, как результат, появление общих, достаточно широковещательных выводов о направлениях правительственной политики, развитии законодательства и т. д.

В отношении собственно черносошного крестьянства такую работу проделал в свое время П. А. Колесников,⁹⁶ а позднее, но уже в масштабах всей страны повторил, в значительной степени, А. Г. Маньков.⁹⁷ Весьма показательно название первой главы его монографии — «Статистика и динамика законодательных актов России второй половины XVII в.»⁹⁸ В самом начале автор замечает, что «в основу монографии положено первое „Полное собрание законов Российской империи“ (I ПСЗ)...» и далее, без проведения какого-либо сопоставительного анализа содержания 1 и 2 томов ПСЗ с архивными материалами, что, на наш взгляд, было бы первым и необходимым шагом при выборе подобного источника исследования, авторитетно заявляет: «Во всяком случае на основе имеющихся в литературе данных можно утверждать, что в интересующие нас первые три тома I ПСЗ попало наибольшее число законодательного материала, относящегося ко второй половине XVII в. и включающего наиболее крупные по размерам и значимости законодательные акты...».⁹⁹ Это утверждение, не совсем точное и в отношении «крупных законодательных актов», по крайней мере, в том, что касается документов по таможенному делу, вызывает еще большие сомнения в отношении отдельных указов: если в рассмотренных нами, можно сказать, единичных по сравнению с общим объемом судебно-следственной документации делах, уже нашлись четыре «новых», не вошедших в ПСЗ, указа 1650-х — конца

⁹⁶ Колесников П. А. Государственное законодательство по крестьянскому вопросу (1650–1860 гг.) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 7–24.

⁹⁷ Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998.

⁹⁸ Там же. С. 12–32.

⁹⁹ Там же. С. 12 и 13.

1660-х гг., то какова все же степень полноты с точки зрения сегодняшнего уровня изучения архивных материалов, безусловно, огромной на первую треть XIX в. работы, проделанной комиссией под руководством М. М. Сперанского?¹⁰⁰

По-видимому, предвидя подобные возражения, А. Г. Маньков не преминул заметить: «Да и мой собственный опыт выявления в архиве (каком именно? одном единственном? — *Л. Т.*) законодательных актов по ведущим (!) отраслям права за вторую половину XVII в. наталкивает на мысль, что в количественном отношении эти результаты могут быть относительно скромными».¹⁰¹ Но и это заявление без конкретных примеров остается голословным и ничего не доказывающим. В любом случае, даже если оставить в стороне общий вопрос о принципиальной применимости статистических методов при изучении законодательства и убедительности полученных таким способом данных и, соответственно, базирующихся на них выводов, без возможно более полного выявления по архивным материалам и публикациям не учтенных в ПСЗ указов все тематические выкладки и пространные таблицы остаются набором цифр, не позволяющим делать обоснованные заключения о тенденциях развития русского законодательства.

Двойственную позицию в вопросе «количественного» изучения юридических установлений занимает современный историк П. В. Седов. С одной стороны, обращаясь к работе А. Г. Манькова, он замечает, и с этим мнением невозможно не согласиться: «Действительно, количество сохранившихся именных указов и боярских приговоров во много раз превышает число опубликованных

¹⁰⁰ Стоит отметить новейшие работы, специально посвященные исследованию ПСЗ: *Севастьянов Ф. Л.* 1) Об изучении Полного собрания законов и Свода законов Российской империи // *Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной конференции. Москва, 31 апреля — 2 февраля 2008 г.* Ч. 2. М., 2008. С. 575–578; 2) Об историографии Полного собрания и Свода законов Российской империи // *Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы XXII Международной научной конференции. Москва, 28–30 января 2010 г.* М., 2010. С. 346–348.

¹⁰¹ *Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. С. 15.

в ПСЗ». ¹⁰² С другой — приводит без комментариев цифровые данные А. Г. Манькова и его выводы, признавая тем самым научную значимость таких подсчетов. ¹⁰³

«Качественный» аспект состоит в постоянно расширяющейся с привлечением новых документов возможности текстологического анализа хронологически сменяющихся друг друга указов или указов, появившихся в одно время, но относящихся к разным регионам, с учетом всех появляющихся изменений, дополнений, изъятий и т. п. Именно такой анализ позволит представить не только абстрактное развитие юридической мысли, которое подчас рассматривается исключительно в духе заимствования тех или иных юридических положений из кодексов других государств, но и реальную, возможно, персонифицированную, политику русского правительства по отношению к отдельным объектам владения, категориям населения, регионам и ее обусловленность постоянно развивающимися условиями политической и общественно-экономической жизни страны.

Второе общее направление исследований, доступных при обращении к судебным делам, состоит в аналитическом выявлении внешне- и внутривнутриполитических обстоятельств, борьбы различных политических группировок, положения истцов и ответчиков на социальной лестнице, степени их влияния на ход судебно-процессуальных действий и вынесение решений в тех или иных конфликтных ситуациях, когда, как чаще всего и бывает, источники не содержат никаких прямых сведений на этот счет.

Приведем очень показательный, на наш взгляд, пример. Речь идет об уже упоминавшейся многолетней, с 1658 по 1683 год, тяжбе

¹⁰² *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 13. Примеч. 1. Правда, здесь же содержится следующее утверждение: «По признанию А. Г. Манькова, подсчеты именных указов и боярских приговоров по публикации в ПСЗ носят предварительный характер». Такого признания в опубликованном тексте монографии А. Г. Манькова мы не нашли. Означает ли это устный характер высказывания? И как эта «предварительность» соотносится с содержанием книги и, особенно, с «Заключением» (*Маньков А. Г.* Законодательство и право... С. 209–210), включающем безусловные постулаты?

¹⁰³ *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 13–14. Не можем удержаться и не процитировать еще одну парадоксальную фразу: «Подсчеты количества именных указов и боярских приговоров имеют право на существование, но они несколько искажают реалии XVII века» (Там же. С. 14). Зачем же в таком случае их считать? Чтобы еще больше исказить эти самые «реалии»?

дьяка Данилы Григорьевича Панкратьева и его сына, гостя Ивана Даниловича, с Соловецким монастырем о земельных владениях в Сереговской волости Яренского у.,¹⁰⁴ сначала вложенных крестьянами Гичевыми в северную обитель, а затем проданную ими московскому дьяку, когда при одних и тех же доказательствах — ссылки на вкладную со стороны монастыря и купчую со стороны дьяка и гостя, и судебно-процессуальных действиях — запрос сведений из писцовых книг, допросы крестьян, решение принималось в пользу то одной, то другой тяжущейся стороны. О приговоре судьи Новгородского приказа боярина А. С. Матвеева от 22 июня 1674 г., во время Соловецкого восстания, признавшим право владения за гостем И. Д. Панкратьевым, мы уже писали (см. выше). Однако по второму приговору, царей Ивана и Петра Алексеевичей и царевны Софьи, которые слушали докладную выписку «в комнате», и судьи этого же приказа боярина В. В. Голицына от 15 марта 1683 г., т. е. после «замирения» Соловецкого монастыря, когда было необходимо всячески подчеркнуть особое расположение властей к северной обители, эта же земля была отдана архимандриту Иллариону с братьями: «...буде их, великих государей, крестьяном тесноты и разорения не будет, владеть в Еренском уезде в Сереговской волости жеребьем тое же волости крестьянина Зиновейка Гичева по вкладной дворов ево и землю со всеми угодьи по писцовым книгам Соловецкого монастыря архимандриту Иллариону з братьями...».¹⁰⁵

В тексте весьма пространного по сравнению с другими делами приговора содержится подробное обоснование решения дезавуировать предшествующее постановление: «А гостю Ивану Панкратьеву от того жеребья указали великие государи отказать и приговор 182-го году боярина Артемона Сергеевича Матвеева отставить, потому что тот жеребей отдан в Соловецкий монастырь при отце их, великих государей, блаженные памяти при великом государе по подписной челобитной, хотя и Уложению противно, и в том воля была их отца государского. А они, великие государи, из веления и указов отца своево государского пременять и отставливать не изволяют.

¹⁰⁴ Публ. дела: Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 11–115.

¹⁰⁵ Там же. С. 95–96.

А впредь то иым монастырям и никому не в образец и на пример и не выписывать, потому что Соловецкий монастырь особое их государское призрение и милость. Да и для того указали они, великие государи, тем жеребьем владеть Соловецкому монастырю по особой своей государской милости к тому святому месту, что тот монастырь был столь недавно от воров и от церковных мятежников и раскольников в великом разорении и разграблен был весь, и истощен чрез многое осадное время без остатка. А впредь о таких землях и в иных делах выписи по их государскому указу и по Уложению». ¹⁰⁶

Экономический посыл приговора, заимствованный из челобитных архимандрита Иллариона от 19 октября и 12 ноября 1682 г. с жалобами на опустошение монастыря, ¹⁰⁷ положивших начало пересмотру дела, очевиден. ¹⁰⁸ Но не менее очевидно, и не только нам, современным историкам, но и высшим приказным чиновникам XVII в. (степень компетентности в данном вопросе лиц царской фамилии определить трудно) было то обстоятельство, что приговор был вынесен с явным нарушением норм Соборного уложения — «хотя и Уложению противно». И не случайно поэтому в вынесенном решении содержались слова о том, что Соловецкий монастырь «особое их государское призрение и милость» с характерной, впрочем, оговоркой «А впредь то иным монастырям и никому не в образец и на пример не выписывать...». ¹⁰⁹ Политическая подоплека налицо, ссылка же на не подлежащую пересмотру волю умершего отца, царя Алексея Михайловича, выглядит в данном случае казуистической уловкой, так как во множестве других случаев изменение решений по царским указам, принятым до конца 1648 г. и идущим вразрез с постановлениями Соборного уложения, сомнений, как правило, не вызывало. Очевидно, что подобные сведения

¹⁰⁶ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 96.

¹⁰⁷ Там же. С. 70–76.

¹⁰⁸ Понятно, что монастырские власти для обоснования своего прошения могли ссылаться только на «оскудение», так как какие-либо инвективы в адрес основного государственного законодательного памятника, где содержался запрет на земельные вклады в монастыри, да еще из уст *соловецких* монахов, были просто невозможны.

¹⁰⁹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 96.

о столь тонких нюансах правительственной политики вряд ли напрямую фиксировались в неких директивных распоряжениях и их выявление возможно только косвенным образом при рассмотрении судебных дел во всех подробностях.

Совокупное изучение комплексов судебных документов дает возможность объективно изучить деятельность приказов не только на уровне учреждения в целом, но и детально рассмотреть реальные функции, объемы и методы работы его отдельных сотрудников — дьяков и, в большинстве случаев, подьячих, выявить степень влияния субъективных факторов, часто отмечаемых в литературе, — волокиты, взяточничества, личных, родственных или дружеских, связей на ход и исход конфликтов, и это третье возможное направление исследований с использованием таких исторических памятников.

В новейшей историографии появилась довольно опасная, на наш взгляд, тенденция, когда очевидные, традиционные, естественные (эпитеты можно и продолжать) источники для рассмотрения деятельности высших государственных учреждений — материалы приказного делопроизводства, требующие, правда, больших временных затрат для своего изучения, а ргоігі объявляются неточными для анализа «реальной системы приказного управления» и для уточнения традиционной (не очень, впрочем, ясно — «традиционной» в чьем понимании?) схемы «каждый приказ через своего судью непосредственно подчинялся Боярской думе», а вместо них предлагается использовать иные материалы, в частности, источники неофициального происхождения.¹¹⁰

¹¹⁰ *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 30–34 (раздел «Система управления приказами»). Рецензию на монографию см.: *Новохатко О. В.* Как закатывают царства // ОФР. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 392–431).

В разделе «Система управления приказами» П. В. Седов использует письма келаря Успенского Тихвинского монастыря 1678 г., стряпчего Валдайского Иверского монастыря 1692–1693 гг. и «свидетельство современника» — сочинение кн. Б. И. Куракина «Гистория о царе Петре Алексеевиче» (*Седов П. В.* Закат московского царства. С. 31–34). При этом автор *научного* исследования вообще не задается вопросами об источниках сведений, сообщаемых монахами, степени их достоверности, влиянии на содержание писем субъективных факторов — вынесением решений «за» или «против» этих монастырей, стремлением посланных в Москву лиц оправдаться в случае неудовлетворения мо-

С нашей точки зрения, привлечение таких источников в качестве дополнительных после, разумеется, их тщательного источнико-

настырских претензий и объяснить неудачу своей миссии привходящими обстоятельствами, экономическим и общественным положением самих монастырей и т. д. Все высказывания монастырских служителей принимаются на веру как точно установленные факты.

Что же касается сочинения видного государственного деятеля первой половины XVIII в. кн. Б. И. Куракина, то он, разумеется, являлся современником событий начала 1690-х годов, о которых идет речь, но в это время ему было 15–17 лет, до начала XVIII в. ни в каких правительственных учреждениях он не работал (в дворцовых разрядах конца XVII в. имя Бориса Ивановича не упоминается (Дворцовые разряды. Т. 4. СПб., 1855)), а его воспоминания, написанные гораздо позднее, отличаются, по мнению многих исследователей, субъективизмом и большим количеством неточностей. «... Существует множество легенд о Петре и его царствовании, восходящих к источникам ненадежным, поздним (или и то и другое вместе), например, к сочинениям де ла Невилля, Матвеева, Куракина...», — писал П. Бушкович (*Бушкович П. Петр Великий. С. 10; см. также: Правящая элита Русского государства. С. 472–473 (автор раздела Е. В. Анисимов)*).

Удивительно, но П. В. Седов, рассуждая об этой самой «системе», не рассмотрел ни одного (!) реального существующего дела любого из приказов. Точно такое же замечание (по-видимому, подобный метод работы удивляет всех историков, имеющих дело с документами) вкупе с достаточно пространной оценкой, к которой мы присоединяемся, высказываний П. В. Седова в отношении приказов сделала О. В. Новохатко (*Новохатко О. В. Как закатывают царства. С. 413–414*). Такое игнорирование документов приказного делопроизводства, вероятно, привело к тому, что в книге появляются довольно странные для серьезного исследования утверждения, например: «За всю свою жизнь боярин Л. К. Нарышкин не исполнял ни одной приказной должности, а Новгородский приказ в 1692 г. подчинялся Посольскому, где сидел думный дьяк Е. И. Украинцев» (*Седов П. В. Закат Московского царства. С. 32*). Оставив пока в стороне «всю жизнь Л. К. Нарышкина», хотя сам факт огромного авторитета дяди царя Петра Алексеевича, по оценке современников — основной политической фигуры конца 1680-х — начала 1690-х годов, при отсутствии официальных приказных должностей отмечался в литературе (*Бушкович П. Петр Великий. С. 173–174 и примеч. 3*), зададимся вопросом, в какой своей части тот же думный дьяк Е. И. Украинцев или дьяки В. Бобинин, В. Посников, И. Волков (указываем имена на 1692 г.) подчинялись сами себе, когда одновременно занимались внешнеполитическими делами в рамках Посольского приказа и административными в Новгородском приказе? Кстати, объединение руководства эти двумя приказами в лице одного человека (окольный, затем боярин А. С. Матвеев, думный дьяк Илларион Иванов, боярин князь

ведческого анализа возможно, но основой подобных исследований должна оставаться приказная документация.¹¹¹ Только подробнейшее, комплексное, включающее палеографический и текстологический аспекты, изучение материалов приказного делопроизводства по «горизонтали», с опорой на документы того или иного приказа/приказов за один хронологический период, или по «вертикали», с опорой на документы приказа/приказов за разные хронологические периоды для выявления происходящих с течением времени качественных изменений, способно, как кажется, представить первоначальные методы и способы подготовки документов, их последующее объединение в комплексы — дела, движение этих дел по различным инстанциям, роль, степень участия, уровень соподчиненности государственных чиновников всех рангов, т. е. всех тех вопросов, которые необходимы для адекватного изучения «системы управления приказами», если о таковой вообще возможно говорить.

Под текстологическим анализом приказных дел мы понимаем: а) сравнение черновиков (отпусков) различных документов — грамот, памятей, переводов и т. д. — с их беловыми экземплярами; б) сравнение всех списков одного и того же документа (купчих, закладных, меновных, вкладных, правых грамот, духовных и т. д.), которые подавались в приказ тяжущимися сторонами или делались самими приказными служащими в выписях, между собой или,

В. В. Голицын, думный дьяк Е. И. Украинцев) с одновременным объединением же на уровне приказной верхушки — дьяков (вопрос о штате/штатах подьячих требует дополнительного рассмотрения) — рабочих аппаратов этих двух приказов произошло гораздо ранее 1692 г. (этой датой принято считать 1671/72 г. (*Богоявленский С. В.* Московский приказной аппарат... С. 105), но необходимо ее уточнение; приведенная в Путеводителе по РГАДА дата — 1682 г. — явная ошибка или, возможно, опечатка (Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. С. 182)).

¹¹¹ К сожалению, П. В. Седов в указанном разделе опирался на исследования М. М. Богословского, С. Б. Веселовского, Н. В. Устюгова и Е. В. Анисимова (последнее по времени выхода — 1997 г. (см.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 31. Примеч. 71–73)). Новейшие же работы О. В. Новохатко, Д. И. Лисейцева, А. В. Белякова, А. Г. Гуськова и др., основанные именно на источниковедческом изучении приказной документации, которые во многом корректируют построения предшественников, автор монографии оставил без внимания.

при наличии, с исходным оригиналом («протографом» по терминологии исследователей рукописей); в) выявление включенных в челобитные или приказные выписи в виде прямых цитат или пересказов текстов законодательных памятников (указов, Соборного уложения, новоуказных статей и др.) и материалов кадастрового или податного учета (писцовых, переписных, оброчных, окладных книг и пр.) и сравнение их с печатными или с рукописными оригиналами.

В последнее время такая работа предпринимается различными исследователями на дипломатических материалах Посольского приказа.¹¹² Особенно хотелось бы отметить монографию А. Г. Гуськова, где на основе текстологического анализа материалов текущего делопроизводства посольства, черновых и беловых экземпляров статейных списков и грамот, столбцов и составленных на их основе посольских книг проведено изучение как собственно приказной системы делопроизводства, так и более общих вопросов, связанных с историей этого, казалось бы, хорошо изученного события русской внешней политики.¹¹³ Имеются, к сожалению, и противоположные примеры, сходные с довольно частым подобным же отношением к судебным материалам. В частности, Е. И. Кобзарева, поставив важнейший вопрос о достоверности дипломатической документации XVII в., ограничилась традиционным и, на наш взгляд, устаревшим методом — простым сравнением русских статейных списков и иностранных протоколов. При этом материалы русского происхождения, никак источниковедчески не проанализированные, заведомо рассматриваются как недостаточно репрезентативные, но зато иноземные документы и донесения послов,

¹¹² См., например: *Ченцова В. Г.* 1) Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. М., 2004; 2) Челобитная палеопатрского митрополита Феофана 1645 г. об организации греческого книгопечатания и греческой школы в Москве // *Palaeoslavica*. 2006. Vol. 14. С. 77–151; 3) Икона Иверской богородицы (Очерки истории отношений греческой церкви с Россией в середине XVII в. по документам РГАДА). М., 2010; и др. работы этого автора; *Тимошина Л. А.* Грамоты вселенских патриархов 1682 г., привезенные П. Б. Возницким, в делопроизводстве Посольского приказа и археографии // *ОФР*. Вып. 12. М.; СПб., 2008. С. 205–364).

¹¹³ *Гуськов А. Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.

также без доказательств, признаются более удовлетворительными, а вопросы об определении степени их достоверности, точности перевода и т. д. не затрагиваются.¹¹⁴

Изучение судебно-следственных дел с палеографическим и текстологическим анализом каждого документа и выяснением истории формирования столбца (с определенной долей условности эту работу для краткости допустимо именовать «кодикологической», хотя столбец, разумеется, радикально отличается от «кодекса») показало, во-первых, очень высокую исполнительскую дисциплину всех звеньев приказного аппарата, когда необходимые документы или решения по делам, не требующим проведения большого количества следственных действий, выносились или готовились в течение 1-3 дней, во-вторых, профессионализм и четкость в работе многих приказных служителей.¹¹⁵ Поэтому присутствующие в ряде работ суждения о постоянных злоупотреблениях сотрудников центральных приказов, на наш взгляд, мало соответствуют действительности и основываются на выборочном, с одной стороны, использовании отдельно взятых документов, а с другой, на методе работы, который Я. С. Лурье охарактеризовал как «потребительские отношения к источнику», когда необходимый предварительный источниковедческий анализ заменяется простым заимствованием фак-

¹¹⁴ Кобзарева Е. И. Дипломатическая документация XVII в.: проблемы достоверности // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной конференции. Москва, 31 апреля — 2 февраля 2008 г. Ч. 1. М., 2008. С. 358–361. В предыдущей работе этого автора по внешнеполитическим сюжетам использованные источники просто кратко перечислены (Кобзарева Е. И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 13–15).

К сожалению, такой подход наблюдается и в новейшей монографии по внешнеполитическим сюжетам, когда автор при характеристике источников во введении ограничивается тремя страницами общих рассуждений с преимущественным пересказом содержания и формально-видовым, а не основанным на изучении конкретных дел подходом к документам, — отписки, расспросные речи, челобитные, записи об аудиенции и т. д., допуская при этом неточности при выделении видов и разновидностей документов (Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия. С. 11–14).

¹¹⁵ Подробнее см.: Тимошина Л. А. Судебное дело гостя И. Д. Панкратьева... С. 186–188, 219–220.

тов. Конечно, система правосудия XVII в. была далека от идеала, и достаточно часто, как было показано выше, выносимые приговоры шли вразрез с самими следственными материалами, однако факторы, приводившие к этому, крылись не столько в пресловутых примитивных посулах, сколько в гораздо более сложных приводящих обстоятельствах, которые были обусловлены особенностями политической и общественной обстановки в стране.

Сошлемся еще раз на судебное дело Панкратьевых с Соловецким монастырем 1658–1683 гг., когда, как уже отмечалось, соловецкие власти, ходатайствуя о пересмотре составленного не в их пользу приговора от 22 июня 1674 г. окольного А. С. Матвеева, обвинили судью Новгородского приказа в челобитной не позднее 19 октября 1682 г. в том, что «по челобитью гостя Ивана Панкратьева мимо дела, дружа гостю Ивану Панкратьеву, без суда и без очные ставки Артемон Матвеев нам, богомольцам вашим, в той деревне и в росоле отказал, а ему, Ивану, велел владеть...».¹¹⁶ Было ли справедливо такое обвинение? Сопоставление формулировки монастырской челобитной с другими материалами дела, включая приговор, показывает, что архимандрит Илларион лукавил: в 1674 г., когда гость И. Д. Панкратьев подал челобитную об изъятии вкладной земли у Соловецкого монастыря, сам факт вклада никто, в том числе и сами монастырские власти, не оспаривал, следовательно, из-за отсутствия предмета дискуссии очных ставок не требовалось, да о них в то время никто и не упоминал. Просьба же старца московской службы Иринарха Тарбеева о допросе сына Зиновия Гичева Федота об обстоятельствах сначала вклада земли в монастырь, а затем, в 1672/73 г., продажи гостю И. Д. Панкратьеву была удовлетворена, и допрос состоялся перед тем же самым А. С. Матвеевым, думным дьяком Г. Богдановым и дьяками Я. Поздышевым, И. Евстафьевым и В. Бобининым.¹¹⁷

Во время рассмотрения дела в 1674 г. и та, и другая стороны единодушно ссылались на Соборное уложение, но на разные главы: И. Д. Панкратьев точно указал на 42 статью XVII главы с запретом земельных вкладов в духовные корпорации, но и соловецкие власти, отмечая равное, по их мнению, социальное положение мона-

¹¹⁶ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 72–73.

¹¹⁷ Там же. С. 43–45.

стыря и гостя по отношению к черносошным крестьянам — беломестцы и отсюда равное же отсутствие права владения черными землями, также просили «учинить указ по Уложению», правда, без конкретизации статьи. Поэтому в приказной докладной выписи, в конце которой и был записан приговор 22 июня 1674 г., приводились сразу три статьи: 42 статья XVII главы и 5 и 15 статьи XIX главы о запрещении беломестцам приобретать недвижимость, которые, по-видимому, и подразумевал архимандрит Илларион.¹¹⁸

Иначе говоря, Артамон Сергеевич Матвеев имел в своем распоряжении юридические обоснования челобитных обоих противников, и его задача состояла в выборе соответствующих данному делу норм. Окольничий посчитал таковой 42 статью XVII главы, и посчитал совершенно справедливо, так как в двух статьях XIX главы речь шла, во-первых, о Москве и других городах, а не об уездных владениях; во-вторых, о недвижимости черных посадских людей, а не крестьян черных волостей; в-третьих, объектами запрета были названы тяглые дворы, лавки, амбары, погреба и варницы, но не собственно земельные владения. В чем же соловецкие монахи увидели проявления «дружбы»,¹¹⁹ чем бы она ни была обусловлена, идеальными чувствами или вполне материальным ее подкреплением? В юридической грамотности А. С. Матвеева? И каким образом судья Новгородского приказа мог бы в действительности «удружить» И. Д. Панкратьеву — 42 статью XVII главы впервые упомянул сам челобитчик, а не приказной деятель. Думается, что в этом случае мотивом обвинения стала не действительная предвзятость А. С. Матвеева,¹²⁰ а вполне понятное с бытовой точки зре-

¹¹⁸ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 49–50.

¹¹⁹ В известных нам документах прямых упоминаний о существовании тесных контактов между А. С. Матвеевым и И. Д. Панкратьевым нет, хотя лично знакомы они, безусловно, были, хотя бы как глава Новгородского приказа и человек, который назначался из этого учреждения «гостем у пристани» в Архангельск и потом приезжал с отчетом и деньгами в Москву. Таким «гостем у пристани» И. Д. Панкратьев был, в частности, летом 1672 г. (*Демкин А. В.* Западно-европейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 69, 79).

¹²⁰ Примечательно, что и в приговоре от 15 марта 1683 г. принципиальная правомерность решения А. С. Матвеева в соответствии с указанной нормой Соборного уложения сомнению не подвергалась (см. выше).

ния чувство обиды проигравшей стороны и желание обвинить других в этом проигрыше.

В той же челобитной не позднее 19 октября 1682 г. архимандрит Илларион указал на еще одно должностное лицо, стоявшее, по его суждению, на стороне И. Д. Панкратьева. Архимандрит заявил, что, когда несколько ранее, 11 июля 1679 г., монастырские власти подавали еще одну челобитную, на этот раз царю Федору Алексеевичу, об этой вкладной деревне, «в Новгородском приказе думной дьяк Аверкей Кирилов, дружа (опять тот же самый термин! — Л. Т.) ему, гостю Ивану Панкратьеву, по тому ево государеву милостивому указу великому государю не докладывал». ¹²¹

Отрицать возможность личного знакомства Аверкия Степановича Кириллова еще в бытность его гостем с Иваном Даниловичем Панкратьевым не приходится, полагаем, что все гости из-за своей малочисленности и круга служебных обязанностей хорошо знали друг друга. Не исключена, разумеется, вероятность и дружеских связей между ними, тем более, что оба они были если и не ровесниками, то людьми одного поколения, ¹²² но главное, то, что могло, на наш взгляд, столь существенно повлиять на действия думного дьяка, не в этом.

¹²¹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 73. В сохранившемся и опубликованном деле челобитной соловецких властей от 11 июля 1679 г. нет, возможно, она изначально была подклеена не к этому столбцу, а к столбцу текущих дел 1679 г., который в настоящее время не обнаружен.

¹²² По данным С. К. Богоявленского, А. С. Кириллов начинает фигурировать как думный дьяк ряда приказов (Большой казны, Большого прихода, Новгородского) с января-марта 1677 г. (*Богоявленский С. В.* Московский приказной аппарат... С. 47, 55, 105). Н. Ф. Демидова отметила, что три человека, в том числе А. Кириллов, стали думными дьяками, не служив предварительно дьяками (*Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 79). По наблюдениям Н. Б. Голиковой, он упоминается в чине гостя с 1659 по 1675 г. (*Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 121), а по нашим данным, первое на сегодняшний день известие о И. Д. Панкратьеве как о госте относится к 7 марта 1651 г. (*Тимошина Л. А.* Судебное дело гостя И. Д. Панкратьева... С. 157. Примеч. 1). Следовательно, И. Д. Панкратьев и А. С. Кириллов вместе находились в составе гостей более полутора десятилетий.

Известно, что по данным различных налогово-учетных документов Соли Камской гость А. С. Кириллов еще в середине 1660-х годов имел там соляной промысел с тремя варницами, который он сохранил, став думным дьяком, и эксплуатировал вместе со своим сыном, также сначала гостем, затем дьяком Яковом Аверкиевичем Кирилловым.¹²³ Только в 1693 г., более чем через 10 лет после убийства отца, Я. Кириллов продал промысел торговому человеку гостинной сотни, выходцу из посадских людей Соли Камской А. В. Ростовщикову.¹²⁴ Следовательно, на протяжении почти всей второй половины XVII в. семья Кирилловых, также как и семья Панкратьевых, независимо от смены служилых чинов занималась добычей соли.

Н. В. Устюгов приводит любопытный факт: летом 1677 г. чердынские посадские люди подали в Новгородский приказ челобитную с просьбой запретить рубить в Чердынском у. дрова работным людям соликамских солепромышленников. По помете на выписи от 4 июля 1677 г. дьяка Якова Кириллова чердынскому воеводе Д. Н. Наумову была послана грамота: «велено чердынцом в челобитье о лесах отказать до писцов, а усольцом в те леса велено ходить и дрова сечь и платить великого государя в казну с тех дров и со всякого лесу полесную пошлину...».¹²⁵

Анализируя причины принятия такого решения, исследователь замечает, что правительство могло бояться сговора чердынцев и повышения ими цены на дрова, в результате чего повысилась бы и цена на соль, однако задается вопросом о возможном существовании и других, не столь альтруистических мотивов принятого решения. Отмечая три варницы, принадлежащие отцу и сыну Кирилловым, Н. В. Устюгов делает очень убедительный, на наш взгляд, вывод: «Не продиктован ли отказ чердынцам желанием обеспечить дешевыми дровами свой промысел и промыслы других соловаров? Такая интерпретация отказа вполне допустима и вытекает из заинтересованности двух дьяков Новгородского приказа в бесперебойной работе своего промысла».¹²⁶

¹²³ Упоминается как дьяк Новгородской и Владимирской четвертей с марта 1677 г. (*Богоявленский С. В.* Московский приказной аппарат... С. 58, 105).

¹²⁴ *Устюгов Н. В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. С. 68–69, 85, 90 и др.

¹²⁵ Там же. С. 255.

¹²⁶ Там же. С. 256.

Полагаем, что именно этой заинтересованностью думного дьяка А. Кириллова в развитии соляного дела были обусловлены его действия через два года после событий 1677 г., но с одним чрезвычайно важным нюансом. Крупным солепромышленником на севере Русского государства был не только гость И. Д. Панкратьев, но и Соловецкий монастырь. Поэтому имевшее место противодействие соловецким властям в закреплении за ними черной вкладной земли и устройстве на ней соляного промысла могло на деле означать защиту интересов одной группы солепромышленников, выходцев из торгово-предпринимательских слоев, против другой группы таких же солепромышленников, но уже принадлежавших к совершенно иной социальной группе — духовенству.

Косвенным подтверждением этого предположения служат заявления торговых людей, в том числе, некоторых гостей, среди которых был и Аверкий Кириллов, от 23 апреля 1662 г. и их повторный распрос 28 апреля того же года с обвинениями в адрес «духовного чина» (патриарха и монастырей), «воинского» и «судебного», которые владеют лучшими промыслами и торгами.¹²⁷ А если это так, то в споре гостя И. Д. Панкратьева с Соловецким монастырем А. Кириллов, «не доложив» государю о соловецкой челобитной (подозревать в данном случае искажение фактов со стороны монастырских властей не оснований), мог, скорее, защищать корпоративные интересы крупных светских предпринимателей — солепромышленников, сам уже формально не принадлежа к ним, в их борьбе с конкурентами в лице духовных корпораций, чем руководствоваться личными отношениями с конкретным гостем. И Соловецкий монастырь, занимавшийся солеварением с XVI в., представлялся, по-видимому, думному дьяку серьезным соперником, «соляную» экспансию которого с берегов Белого моря вглубь территории, на юг, наметившуюся в середине — второй половине XVII в.,¹²⁸ надо

¹²⁷ Подробнее см.: История предпринимательства в России. Кн. 1. М., 2000. С. 138–139.

¹²⁸ А. А. Савич приводит довольно многочисленные примеры покупки Соловецким монастырем у крестьян Тотемского и Устюжского уездов их угодий, в том числе соляных промыслов (*Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в Древней Руси. Пермь, 1927. С. 80–87*). Вопрос о сравнительной экономиче-

было попытаться остановить. А монастырские власти неизбежно оценили действия государственного чиновника как «дружбу» с И. Д. Панкратьевым.

Представим теперь вполне возможную ситуацию, когда челобитная архимандрита Иллариона не позднее 19 октября 1682 г. дошла бы до современных историков в виде отдельного списка в составе монастырского архива, вне контекста всего судебного дела. В таком случае исследователи, ориентируясь на не критически воспринимаемый текст единичного документа и не зная всех перипетий конфликта, сделали бы неверные выводы о процветавших в стенах Новгородского приказа взятках или покровительстве отдельным лицам на иной основе, в чем принимали участие высшие приказные и думские чины.

Еще одно обвинение в адрес И. Д. Панкратьева в потворстве ему со стороны государственных чиновников было высказано в челобитных двух гостей, Гаврилы Романовича Никитина и Остафья Ивановича Филатьева, поданных в Новгородский приказ не позднее 23, 24 и 26 октября 1683 г. в ходе долгого, с 1678 по 1683 гг., судебного разбирательства о владельческих правах на землю Кочь в Яренском у. между И. Д. Панкратьевым и О. И. Филатьевым. Г. Р. Никитин просил отдать ему эту землю на оброк как отписанную на великих государей, а О. И. Филатьев — не отнимать у него его земельное владение по «ложной» купчей Д. Г. Панкратьева, но оба единодушно писали о различных процессуальных нарушениях, допущенных в 1680/81 г. в пользу И. Д. Панкратьева, когда Новгородский приказ ведал его «свойственник» думный дьяк Илларион (Ларион) Иванович Иванов. «А в прошлом, государи, во 189-м году ево челобитью ево, Иванову, думной дьяк Ларион Иванов по ближнему свойству к нему, Ивану, велел против ево, Иванова, неправого челобитья мимо вашего государева указа и пометы по приговору боярина Ивана Михайловича Милославского написать выписку не против подлинного дела...», — жаловался Г. Р. Никитин;¹²⁹ «И в прошлом, государи, во 189-м году он, Иван, бил челом брату вашему ... утайкою, надеясь на мочь свою и на свойство дум-

ской эффективности работы соляных промыслов светских и духовных владельцев остается вне рамок данной статьи.

¹²⁹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. С. 553.

ного дьяка Лариона Иванова, потому что он в то время Новгородскую четь ведал», — вторил ему О. И. Филатьев.¹³⁰

И. Д. Панкратьев действительно находился с этим персонажем в близком родстве — Илларион Иванович Иванов был женат на его родной сестре, Марии Даниловне, и после убийства думного дьяка 15 мая 1682 г. его вдова и сын Иван Илларионович какое-то время жили в семье Ивана Даниловича.¹³¹ Помимо этого, из письма приказчика Сереговского усолья Ивана Андреевича Шергина не позднее 23 декабря 1675 г. выясняется, что уже в это время И. И. Иванов, совсем недавно возглавивший Новгородский приказ,¹³² оказывал некоторое содействие родственнику в возникшем споре о праве владения еще одним спорным участком земли в Сереговской волости Яренского у. — полем Исчее.¹³³ Поэтому, с одной стороны, такие «неформальные контакты», по выражению О. В. Новохатко, двух видных представителей разных групп служилых людей, по-видимому, имели место, и думный дьяк И. И. Иванов, используя свое служебное положение, мог доступными ему способами оказывать

¹³⁰ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. С. 554.

¹³¹ См.: Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1. М., 2001. № 85. С. 107; № 96. С. 120; № 120. С. 142; № 162. С. 184; № 189. С. 208; № 201. С. 221; № 244. С. 262. С. Б. Веселовский приводит сведения, к сожалению, без указания даты и поисковых данных, о том, что дочь Иллариона Иванова Анна была замужем за стольником Алексеем Федоровичем Салтыковым (*Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. С. 208; см. также: Новохатко О. В. Разряд в 185 году. С. 558*). А его сын, Иван Илларионович, после смерти отца жил у И. Д. Панкратьева, как свидетельствуют указанные выше письма приказчика И. А. Шергина хозяину, по 1694 г. включительно, то есть около 12 лет. Скорее всего, он попал в семью дяди маленьким ребенком, и большая, по-видимому, разница в возрасте между дочерью и сыном думного дьяка дают основания думать, что Мария Даниловна была, по-видимому, второй женой И. И. Иванова.

¹³² По данным С. К. Богоявленского, думный дьяк И. И. Иванов «ведал» Новгородский приказ в 1675/76–1676/77 гг. и с 7 ноября 1680 г. (*Богоявленский С. К. Московский приказной аппарат... С. 105, 133*).

¹³³ «По грамоткам государя Лариона Ивановича и по твоей сыщик учинился при прежнем много лутче...» (Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 1. № 58. С. 82). Конфликт о поле Исчее рассматривался в двух судебных делах: Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № XII. С. 297–315; № XV. С. 391–398.

содействие свояку — гостю И. Д. Панкратьеву, но даже и в этом случае речь шла о защите именно интересов если не определенной корпорации, то своего родственного клана, а не о меркантильной подоплеке его действий.

Сходное мнение об отсутствии или крайней незначительности корыстных интересов при «неформальных» родственных контактах высказала О. В. Новохатко, основываясь на материалах Разрядного приказа. Она подробно проанализировала влияние родственных связей стольника Андрея Ильича Безобразова с дьяком Миной Кирилловичем Грязевым и думным дьяком Василием Григорьевичем Семеновым на ход его различных дел, разбиравшихся в этом учреждении, и пришла к целому ряду заслуживающих внимания выводов: во-первых, неформальные контакты «работали во многих случаях эффективнее, чем „правильное“ движение дела по всем бюрократическим уровням»; во-вторых, такие контакты действовали как «система контроля»; в-третьих, «существовал твердый предел их действию, поставленный законом».¹³⁴

С другой стороны, при объективном изучении предъявленных И. Д. Панкратьеву обвинений необходимо учитывать, что для его противников наличие таких связей было удобным предлогом, чтобы опорочить соперника и подвергнуть сомнению, а то и пересмотру принятые решения. Не исключено, что в 1683 г. именно такую ситуацию и пытались создать гости Г. Никитин и О. Филатьев, однако никаких конкретных доказательств утаивания или фальсификации документов, подтасовки данных и других возможных противозаконных действий И. И. Иванова в пользу московского гостя они не представили. И наоборот, когда И. Д. Панкратьев в своем челобитье указал, что подьячий Новгородского приказа Иван Харламов «промыслом гостя Остафья Филатьева» составил «ложную» перечневую выписку, не включив в нее выписи из челобитных и писцовых книг 1620-х годов, по распоряжению дьяка

¹³⁴ Новохатко О. В. Разряд в 185 году. С. 556–580. Не можем удержаться и не привести высказывания историка в отношении собственно судебных дел: «Что касается решения судебных дел в пользу того или другого просителя, то и здесь влияние „своих“ людей в приказах не было неограниченным и, как уже говорилось, останавливалось у некой черты, определенной законодательством» (Там же. С. 577).

П. Б. Возницына, который вел это дело, выписка И. Харламова была сверена со всеми подлинными материалами. В результате, отсутствие целого ряда документов было действительно обнаружено и 12 ноября 1683 г. судья боярин кн. В. В. Голицын принял решение о пересмотре дела и проведении повального обыска в Яренском у. для выяснения всех обстоятельств перехода спорной земли Кочь от одного владельца к другому, для чего яренскому воеводе Д. Е. Нефедьеву 4 февраля 1684 г. была послана соответствующая грамота.¹³⁵ Поэтому принимать просто на веру обвинения гостей Г. Никитина и О. Филатьева в адрес гостя И. Д. Панкратьева и думного дьяка И. И. Иванова, основываясь только на их словах, без подробнейшего выяснения всех обстоятельств дела и скрупулезного источниковедческого анализа входящих в комплекс судебных материалов документов нельзя.

Четвертым по счету, несколько неожиданным, но очень полезным направлением изучения комплекса судебно-административных дел является возможность выявить не столько путем палеографического анализа, вызывающего, как правило, ожесточенные дискуссии из-за весьма субъективных оценок *de visu* различными палеографами различных же почерков, сколько путем использования содержащихся в перечневых, докладных, приказных выписях или других документах судебных дел прямых указаний на имена лиц, оставивших распорядительные пометы и записи на челобитных или других документах, с дословным цитированием этих самых помет, что дает возможность для точного отождествления почерков.

О. В. Новохатко, столкнувшись с проблемой определения почерков чиновников Разрядного приказа и признав, что эти вопросы «практически не разработаны в современной палеографии», отме-

¹³⁵ См.: Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № 1. С. 557–578. К сожалению, результаты проведенного обыска нам неизвестны, так как вынесением приговора и подготовкой грамоты к воеводе дело было закрыто. Ответ Д. Е. Нефедьева вместе с необходимыми документами, который мог прийти в Новгородский приказ, учитывая срок оборота документов между Москвой и Яренском (туда и обратно — около двух месяцев) и время, необходимое для подготовки этого мероприятия, к началу осени 1684 г., мог быть включен уже в другой, пока не найденный, столбец.

тила: «...для идентификации почерков, написанных скорописью XVII в., нет других способов, кроме тех, что были применены Л. Е. Морозовой, то есть основанных на достижениях отечественной криминалистики», указав затем с опорой на статью Л. Е. Морозовой 23 различных признака идентичности почерков.¹³⁶ Впрочем, далее О. В. Новохатко, как историк имеющий дело с большим массивом делопроизводственных документов, не могла не признать, что при работе с приказными документами XVII в. пользоваться этими криминалистическими критериями стоит «с большой поправкой на специфику такого исторического вида письма, как развитая скоропись XVII в.», и с большой точностью указала на целый ряд возникающих при определении дьяческих почерков трудностей — короткие тексты помет, возможное расположение этих помет не единым блоком на обороте листов, а на сставах, между абзацами, на полях и т. д.¹³⁷ Поэтому более продуктивным пред-

¹³⁶ *Новохатко О. В.* Разрядный приказ в 185 году. С. 13–14. Наблюдения Л. Е. Морозовой изложены в статье: *Морозова Л. Е.* Опыт определения авторства рукописей XVI века по почерку // *История и палеография. Сборник статей.* М., 1993. С. 140–175.

¹³⁷ *Новохатко О. В.* Разрядный приказ в 185 году. С. 14. В монографии приведены образцы почерков думных дьяков и дьяков В. Г. Семенова, П. И. Ковелина, Ф. Л. Шакловитого, Л. А. Домнина, подьячих А. Г. Яцкого, Д. Комарова, И. Олсуфьева, М. Щербакова, Г. Алексеева (Там же. С. 19–39).

Через год после выхода в свет монографии О. В. Новохатко были опубликованы тезисы Д. Н. Рамазановой о палеографическом изучении документов Разрядного же приказа, посвященных так называемой «итальянской школе братьев Лихудов» (*Рамазанова Д. Н.* Палеографическое исследование документов Разрядного приказа по истории итальянской школы братьев Лихудов // *Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной научной конференции.* Москва, 31 января — 2 февраля 2008 г. Ч. 2. М., 2008. С. 539–542). С одной стороны, появление такой работы можно расценивать как некое развитие и детализацию палеографических наблюдений в отношении конкретной группы документов, связанных с отдельно взятым направлением в деятельности Разрядного приказа, в том числе, выявление почерков не приказных служителей, а учащихся и учителей школы, и в другой хронологический период — 1697–1700 гг. С другой, после появления работы О. В. Новохатко изложение прописных истин о штате Разрядного приказа, сфере деятельности дьяков и подьячих, «разных стилях письма» подьячих и т. д. вызывает недоумение. А постановка в принципе имеющего право на существование

ставляется точное выявление, там, где это возможно, «внепалеографическими» методами с использованием указаний в самих документах почерков приказных деятелей, а затем уже, используя графические характеристики, сравнение бесспорных образцов с другими, анонимными пометами, записями приговоров и т. д.

Приведем несколько примеров. На челобитной архимандрита Соловецкого монастыря Ильи не позднее 2 марта 1658 г. имеются две, написанные явно разными почерками, пометы: 1) «Государь пожаловал, буде ево государевым крестьяном тесноты не будет, велел им построить варницу»; 2) «166-го марта в 2 день выписать».¹³⁸ Затем в приказной выписи, составленной по этой челобитной, указано: «А на челобитной помета думного дьяка Лариона Лопухина: Государь пожаловал, будет его государевым крестьяном тесноты не будет, велел им построить варницу».¹³⁹ Дословное совпадение, за исключением двух небольших орфографических разночтений, текста первой пометы на челобитной с процитированными в приказной выписи словами и одновременное указание в выписи на «автора» распоряжения, исключая возможность ошибки,¹⁴⁰ дают полное основание полагать, что эта помета принадлежит руке думного дьяка Иллариона Лопухина. Определить же не менее точно, чем в случае с И. Лопухиным, писца второй пометы помогает следующая челобитная архимандрита Ильи не позднее 27 октября 1658 г., где глава Соловецкого монастыря, ссылаясь на предыдущее

вопроса об «отождествлении разных приказных школ письма» влечет за собой определенные возражения, так как автор, по-видимому, не обращает внимания на иные факторы, в частности, предварительное обучение будущих подьячих умению писать (вряд ли на такую работу могли зачислить изначально неграмотных людей!), которое могло проходить вне приказных стен и прививать, следовательно, совсем другие графические навыки, переходы подьячих из приказа в приказ и др.

¹³⁸ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 22

¹³⁹ Там же. С. 23.

¹⁴⁰ Теоретически возможное возражение о том, что в выписях сознательно указывались имена не тех дьяков, которые делали пометы, представляется маловероятным. Полагаем, что подобный способ определения почерков использовал С. К. Богоявленский, давая в своем справочнике многочисленные ссылки к архивным документам с образцами почерков различных дьяков и думных дьяков.

прошение, т. е. челобитную не позднее марта 1658 г., отмечает наличие на нем пометы Лариона Лопухина¹⁴¹ и продолжает: «Да на той же, государь, челобитной помета думного дьяка Алмаза Иванова, велено выписать».¹⁴² В результате, мы получаем указание на приказного деятеля, оставившего вторую помету.

И. Лопухин и А. Иванов отмечены еще раз в челобитной следующего архимандрита Соловецкого монастыря Варфоломея не позднее 21 февраля 1660 г.: «И на той нашей прежней челобитной помета думного дьяка Лариона Лопухина, пожаловал ты, великий государь, будет твоим, великого государя, крестьяном тесноты не будет, велено нам, богомольцам твоим, в той деревне на том участке построить варницу. И после, государь, того на той же нашей челобитной в Новгородской четверти думной же дьяк Алмаз Иванов сверх твоего государева указу пометил выписать, и то, государь, дело выписано».¹⁴³ Текстологическое сравнение этого фрагмента с реальными пометами на соловецкой челобитной не позднее 2 марта 1658 г. не только еще раз доказывает перспективность использования таких сведений для «внепалеографического» определения почерков государственных деятелей, но и демонстрирует некоторые существенные дополнения текста помет в более поздней челобитной — слова о том, что варницу можно построить «в той деревне на том участке» и уточняющие детали — Новгородский приказ как место службы А. Иванова.¹⁴⁴ Понятно, что в этом случае мы имеем дело, во-первых, не только с цитированием, но и с расширенной трактовкой соловецкими властями распоряжения верховных властей, а во-вторых, наличия у них определенных сведений о структуре

¹⁴¹ «И по помете на челобитной твоего государева думного дьяка Лариона Лопухина пожаловал ты, государь, буде твоим государевым крестьяном тесноты не будет, велел нам, богомольцем своим построить варницу» (Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 34). По сравнению с приказной выписью, текст пометы в челобитной архимандрита Ильи претерпел большие изменения, но то, что речь идет об одном и том же распоряжении, несомненно.

¹⁴² Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 34–35.

¹⁴³ Там же. С. 39.

¹⁴⁴ Интересно отметить, что для соловецкого архимандрита Алмаз Иванов выступает не в своей более известной ипостаси главы Посольского приказа, а как руководитель Новгородской четверти.

центрального приказного аппарата. А это наблюдение, в свою очередь, показывает необходимость, повторим это еще раз, привлечения и внимательного изучения всех документов судебных дел.

Точно также устанавливается принадлежность думному дьяку С. Заборовскому пометы на челобитной дьяка Д. Г. Панкратьева не позднее 25 марта 1660 г. «168-го марта в 25 день государь пожаловал, велел указ учинить по Уложению»,¹⁴⁵ когда в гораздо более поздней челобитной его сына, гостя И. Д. Панкратьева не позднее 18 марта 1674 г. написано: «И на челобитной, государь, помета думного дьяка Семена Заборовского, пожаловал ты, великий государь, велел указ учинить по Уложению»;¹⁴⁶ записи приговора окольничего А. С. Матвеева руке дьяка В. Бобинина¹⁴⁷ и других. В вышедшем в свет третьем томе «Архива гостей Панкратьевых» приведены образцы таких точно установленных почерков думных дьяков (даже если они были известны и по другим источникам) И. И. Лопухина, А. Иванова, С. Заборовского, А. Кириллова, дьяков И. Евстафьева, П. Симонова, Я. Кириллова.¹⁴⁸

Таким образом, появляется возможность выяснить реальную степень участия, круг обязанностей и объемы работы приказных

¹⁴⁵ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № I. С. 42.

¹⁴⁶ Там же. С. 45; ср. также: С. 49 (докладная выпись не позднее 22 июня 1674 г.). На челобитной дьяка Д. Г. Панкратьева не позднее марта 1660 г. имеется и вторая помета, сделанная тем же Алмазом Ивановым: «Взять к делу и выписать в доклад» (Там же. С. 42). Бросается в глаза любопытное обстоятельство: пометы 1658 и 1660 гг. А. Иванова, признанного в историографии в этот период полновластным главой русского внешнеполитического ведомства, в судебных делах Новгородской четверти этого периода имеют явно подчиненный (вторичный) характер как по месту своего расположения — под пометами думных дьяков И. Лопухина и С. Заборовского, так и по сути отдаваемых формально равными — думные дьяки — лицами распоряжений: изложение государева пожалованья (И. Лопухин и С. Заборовский) и чисто делопроизводственные указания (А. Иванов).

¹⁴⁷ Там же. С. 53 и 62.

¹⁴⁸ Современные технические возможности воспроизведения почерков и уже имеющийся некоторый задел (О. В. Новохатко и нами опубликованы 16 почерков приказных служителей Разрядного, Посольского, Новгородского приказов) позволяют поставить вопрос о выявлении почерков высших чиновников хотя бы основных приказов и издании соответствующего палеографического альбома на том или ином носителе информации.

служителей различного уровня, их роль в рассмотрении конкретных дел,¹⁴⁹ определить субъективные, личностные особенности — профессиональные навыки, уровень юридической подготовки, характеризующие их индивидуальный стиль работы. Рассмотрение всех этих вопросов вкупе с указанными выше текстологическим и «кодициологическим» анализом, помимо демонстрации всего диапазона и направлений работы различных приказов, даст основание историкам ответить на главные, лежащие в первооснове всякого исследования, вопросы — о достоверности и полноте использованных источников, степени возможного объективного и субъективного искажения информации.

В заключение отметим, что судебно-административные дела позволяют обратить внимание и на такой далекий от системы собственно приказного делопроизводства или развития законодательства сюжет, как определение уровня общей грамотности различных категорий населения, объеме их юридических знаний и общего уровня правосознания.

В существующей историографии одним из основных показателей грамотности отдельных лиц принято считать наличие или отсутствие их собственноручных подписей на документах.¹⁵⁰ Между тем,

¹⁴⁹ Очень показательны участие в судебном деле Соловецкого монастыря с Панкратьевыми думного дьяка Разрядного приказа С. Заборовского, выяснение роли которого требует дополнительных исследований.

¹⁵⁰ Начало такого подхода следует, по-видимому, связать с очень известной, хотя и небольшой работой А. И. Соболевского, представляющей собой в действительности, как следует из подзаголовка, речь, прочитанную им 8 февраля 1892 г. в Петербургском университете, основными источниками которой, помимо разного рода рукописных книг, послужили, по выражению автора, «документы разного наименования (челобитные, поручные, духовные, обыски и т. п.), по преимуществу XVI и XVII веков, на которых находятся рукоприкладства челобитчиков, поручителей, свидетелей» (*Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV–XVII веков. Речь, читанная на годичном акте императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1892 года. 2-е изд. СПб., 1894. С. 5*). На эти же источники, если не учитывать нарративные памятники, ориентировались в дальнейшем и другие исследователи, см., например: *Булгаков М. Б. 1) Грамотность посадских людей Ростова Великого в первой половине XVII века // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 34–39; 2) К вопросу о грамотности населения малых городов России в первой половине 17 в. (на примере города Луки) // Русское средневековье. Вып. 2. М., 1999. С. 82–83.*

детальное изучение текстов судебно-следственных дел, не ограничивающееся простой визуальной фиксацией автографов, показывает, что участники конфликтов нередко отказывались подписывать документы не потому, что они не владели навыками письма, а по совершенно иным причинам.

Одной из таких причин, наиболее важной и интересной, представляется отказ со стороны истцов или ответчиков от подписания составленных в ходе судебных разбирательства документов, как правило, расспросных речей или очных ставок, в знак своего несогласия с изложенными в них фактами или их трактовкой, замеченными ими процессуальными нарушениями или стремлением сохранить возможность опротестовать принятые решения. Весьма любопытно то обстоятельство, что приказные служители, вплоть до судей, не располагали способами принуждения сопротивляющейся стороны к обязательной подписи. Максимум, что они могли сделать и делали, — зафиксировать в приказной выписи, чтобы снять с самих себя обвинения в небрежном оформлении документа, сам факт такого отказа, в результате чего мы и имеем возможность получить эти сведения.

Одним из наиболее ярких примеров выступает поступок крестьянина Тотемского уезда Давыда Бредина в судебном деле 1687 г. с гостем И. Д. Панкратьевым о земельных угодьях, когда он отказался подписать, по выражению дьяка Василия Бобинина, «упрямством своим безумным», а не по неграмотности, судебную записку, где была зафиксирована очная ставка истца и ответчика. Трудно точно сказать, чем было вызвано столь резкое противодействие тотемского крестьянина, возможно, он не был согласен с ходом разбирательства, возможно, протестовал таким образом против допущенных процессуальных погрешностей — отсутствием судьи Устюжской четверти боярина кн. В. В. Голицына, который летом 1687 г. возглавлял русское войско в первом крымском походе, при наличии якобы его собственного распоряжения от 21 июля этого года, составленного на самом деле думным дьяком Е. И. Украинцевым.¹⁵¹ Как бы то ни было, этот факт, свидетельствуя о полном понимании Давыдом Брединым не только юридического значения собственноручной подписи, но и общей процедуры ведения

¹⁵¹ Тимошина Л. А. Судебное дело гостя И. Д. Панкратьева... С. 166–167.

судебного процесса, никоим образом не говорит о его неграмотности.

Другой пример такого же рода находится на этот раз не в поземельном, а в уголовном деле 1674 г. об убийстве сына крестьянина Андрея Агафонова с. Блудова Осипа. Отец убитого в челобитной не позднее 10 мая 1677 г. совершенно открыто заявил, что причиной его отказа завизировать судную записку стали, во-первых, отсутствие свидетельских показаний крестьян Сереговской волости из-за страха перед гостем И. Д. Панкратьевым; во-вторых, допущенные, по его мнению, яренским воеводой В. А. Даудовым в пользу того же гостя И. Д. Панкратьева и его работных людей на Сереговском промысле процессуальные нарушения, когда воевода не принимал «ссылки» и «улик» А. Блудова на «убойцов» сына, допрашивал его без свидетелей, выслал из приказной избы всех людей, и при этом бил, а потом посадил в тюрьму. И только из-за побоев, которые А. Блудов «не мог претерпеть», и тюремного заключения он «в свое место велел руку приложить».¹⁵² И здесь отказ от подписи показывает вполне осознанную позицию черносошного крестьянина и стремление доступным ему и в сложившейся ситуации, по-видимому, единственным способом бороться с несправедливыми действиями окружающих его лиц, будь то представитель местной администрации или его собственные соседи — крестьяне.

С большой осторожностью следует подходить к определению грамотности населения на основании подписей к коллективным документам — различным сказкам, расспросным речам и т. д., когда за целую группу людей расписывался один человек. Как известно, строгой регламентации на основании ст. 161 X главы Соборного уложения подлежал порядок подписания только обыскных речей, и не случайно эта процедура подробно оговаривалась в грамотах из приказов на места: «А что про то про все обыскных людей в обыску скажут, и ты б велел имена их и речи писать на роспись да к тем обыском обыскным людем велел руки свои приложить. А будет которые люди сами грамоте не умеют, и ты б велел в тех место руки приложить отцем их духовным, кому они верят», — записано в грамоте от 27 июня 1676 г. яренскому сыщику Василию

¹⁵² Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № VI. С. 241.

Федоровичу Шишкину, разбиравшему указанное выше дело об убийстве Осипа Блудова.¹⁵³

В остальных же случаях допустимо предположить, что подпись одного лица за нескольких человек могла означать простое желание подьячих, приставов или других должностных лиц ускорить процедуру оформления документа, но отнюдь не свидетельствовала о неграмотности всех участников того или иного процессуального действия. Так, на сказке 30 июля 1677 г. крестьян Ляльской трети Яренского у., поданной подьячему яренской съезжей избы Афанасию Курсину и посадскому человеку Григорию Козлову, присланным для проведения сыска в ходе долгого спора гостей И. Д. Панкратьева и О. И. Филатьева о земле Кочь, ляльский дьячек Григорий Григорьев сын Гилев приложил руку вместо семи крестьян — Тимофея Мальцева, Лаврентия Суворова, Елизара Першукова, Лариона Кононова, Ивана Туркина, Исаака Суворова и Афанасия Ровкина.¹⁵⁴ Однако выборочная проверка фамилий этих крестьян по другим документам показала, что один из них, Елизар Петров сын Першуков, писать точно умел, так как «приложил» свою собственную руку к чуть более раннему документу — договорной записи 11 января 1676 г. крестьян этой же трети с приказчиком И. А. Шергиным на сенные покосы и полянку в районе Серегова,¹⁵⁵ другой, Тимофей Климентьев с. Мальцев, в 1675 г. был отправлен по приговору крестьян Ляльской трети Яренского у. посыльщиком в Москву бить челом в Новгородском приказе на гостя О. И. Филатьева, забравшего у них «мирскую землю», на его приказчика Федора Евсевьева в разных обидах и о других мирских нуждах.¹⁵⁶ Трудно предположить, чтобы выбор крестьянского мира с определением широкого круга задач для выполнения в столице пал на неграмотного.

Наконец, появление подписи за какого-то, не исключено, вполне «пишущего» человека, может объясняться самой простой и достаточно часто встречающейся при возникновении конфликтов

¹⁵³ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № VI. С. 233.

¹⁵⁴ Там же. № XX. С. 456.

¹⁵⁵ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 2. М.; СПб., 2007. № 155. С. 224.

¹⁵⁶ Там же. № 150. С. 216–218.

причиной — подделкой документов в тех или иных целях как официальными лицами, так и участниками судебных разбирательств. В этом случае только изучение всего комплекса материалов судебного-следственного дела позволяет выявить подлог, так как отдельно взятый, составленный по всей форме документ, со всеми необходимыми заверительными атрибутами в виде подписей послухов, указаниями на писца акта, дату и место написания, где один человек подписался вместо другого лица или группы лиц, вряд ли вызовет подозрения.

Не будем голословными. В деле 1675 г. по челобитным приказчика гостя О. И. Филатьева Ф. Евсевьева и крестьянина Сереговской вол. Яренского у. Никифора Васильева с. Туркина по обвинению подьячего яренской съезжей избы Ивана Матвеева в написании «ложных» документов находятся расспросные речи Н. С. Туркина от 5 сентября 1674 г. перед яренским воеводой В. А. Даудовым с пометой, что вместо крестьянина к документу «по ево велению» приложил руку яренский площадной писец Яков Кулаков. Казалось бы, придаться не к чему — вполне обычное процессуальное действие произведено в административном помещении — съезжей избе, в присутствии главного представителя местной администрации — воеводы и закреплено опять-таки вполне официальным лицом, имеющим право составления документов — площадным писцом.¹⁵⁷ Однако из челобитной того же Н. В. Туркина не позднее 2 сентября 1675 г. выясняется, что 5 сентября предыдущего года он вообще не был в съезжей избе, а его расспросные речи написал «воровски, своею рукою, и к тем допросным речам вместо меня руку приложил площадной подьячий Якушко Кулаков», действительно, тот самый человек, который расписался на оригинале документа.¹⁵⁸ Следовательно, рукоприкладство Я. Кулакова на подложном документе, скрывая неблагоприятные действия воеводы В. А. Даудова, никоим образом не свидетельствовало о неграмотности Н. Туркина.

¹⁵⁷ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № XII. С. 305–306.

¹⁵⁸ Там же. С. 312. О роли воеводы В. А. Даудова, его вероятном присутствии в съезжей избе во время оформления «ложных» расспросных речей и побудительных причинах столь сомнительного со всех точек зрения поступка главы уезда Н. В. Туркин умалчивает.

В подтверждение правоты высказанного суждения сошлемся на дело 1676 г. о проданной гостю И. Д. Панкратьеву земле, на которую претендовал его вечный соперник гость О. И. Филатьев, во время разбирательства которого в Москве в Новгородском приказе, тот же Никифор Туркин собственноручно написал Ивану Даниловичу письмо, где самым настоятельным образом рекомендовал И. Д. Панкратьеву помириться с О. И. Филатьевым: «А Остафей Иванович хочет миритца, а ты, Иван Данильевич, мирись, то дело велико, всякие дела есть, чтоб вам и нам жить в соседне дела без шума». ¹⁵⁹ Иначе говоря, Н. В. Туркин умел не только писать и смог бы сам выполнить простейшее действие — поставить свою подпись, но пользовался своим умением в более широких целях. Вряд ли при этом стоит думать, что письмо Н. В. Туркина И. Д. Панкратьеву было единственным примером его эпистолярного творчества. Наоборот, представляется, что сам факт подобного послания свидетельствует о привычности для черносошного крестьянина такого рода действий, подтверждая тем самым общий высокий уровень грамотности этой категории населения.

Подводя итоги вышеизложенному и выделив только некоторые перспективные направления исследований, которые возможны с использованием судебно-следственных материалов, подчеркнем, что в настоящее время представляется целесообразным отказаться, по крайней мере, в отношении XVII в., от выборочного не столько даже изучения, сколь извлечения сведений из отдельных документов

¹⁵⁹ Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в. Т. 3. № XII. С. 395–396. Подчеркнуто нравоучительно-настоятельный тон письма черносошного крестьянина к московскому гостю заставляет еще раз задуматься о формально-юридическом статусе и реальных взаимоотношениях представителей различных социальных групп, о существовании принципиальных социально-общественных преград между этими группами и факторах, способствующих их преодолению, по крайней мере, во второй половине XVII в. Еще более удивительный на первый взгляд пример более чем лояльных отношений тем же гостем Афанасием Федотовичем Гусельниковым, по происхождению тем же самым черносошным крестьянином, и одним из самых влиятельных и родовитых представителей феодальной аристократии, боярином Иваном Михайловичем Милославским дает судебное дело о завещании гостя, где боярин выступал душеприказчиком умершего (Подробнее см.: Тимошина Л. А. Завещание гостя Афанасия Гусельникова... С. 270–276).

при игнорировании комплексов дел, эти документы включающих. Такой исследовательский путь, который, скорее, стоит определить как тупик, препятствует изучению как целостных исторических памятников — дел — во всей сложности их состава и содержания, так и отдельных входящих в них документов, если интерес историков сосредоточивается только на конкретном акте, вырванном из единой делопроизводственной системы, что может повлечь за собой ошибки в определении места, времени, и обстоятельств составления документов, подлинности и достоверности содержащихся в них сведений и многих других факторах. И напротив, использование полных комплексов судебно-следственных материалов позволяет обратить внимание не только на существо рассматриваемых казусов или на такие, связанные с историей судебных инстанций вопросы, как развитие законодательства, особенности судебной деятельности приказов и их служителей, методы приказного делопроизводства, но и на многие другие сюжеты, выходящие за рамки собственно истории судебной системы Русского государства XVII в.